

РУННЫЙ ПРАКТИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

Артем Каменистый
Рунный практик (Альфа-12)
Серия «Альфа-ноль», книга 12

<https://litres.ru/73594812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чернейшие тучи сгущаются над незащитной степной страной. Непобедимое зло приближается к столице медленно и уверенно, и никто не в силах его остановить. Несмотря на все старания властей, паника усиливается с каждым днём. И как же ей не усиливаться, если каждому жителю понятно, что без сильной армии, сотен метательных машин и тысяч дорогих алхимических снарядов город обречён.

Многие уверены, что десница полностью спятил, потому что у него всего лишь четыре катапульты и толпа оборванцев, которой место на паперти, а не на поле боя. По всеобщему мнению при столь печальном раскладе ему следует не в «солдатики» играть, а убежать, не оглядываясь, как можно быстрее и как можно дальше.

Но я с этим мнением не согласен.

Содержание

Глава 1 Бюджетное вундерваффе или армия из ничего	4
Глава 2 Неблагозвучное название	25
Глава 3 Один час на все приготовления	40
Глава 4 Козий пруд	57
Глава 5 Военный совет	76
Глава 6 Свежие сопли Паксуса	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Рунный практик (Альфа–12)

Глава 1 Бюджетное вундерваффе или армия из ничего

Глава 1

Бюджетное вундерваффе или армия из ничего

Арбалет — древнее оружие с непростой историей. Даже я, не очень-то в первой жизни интересовавшийся античностью, смутно помню, что его изобрели ещё до нашей эры то ли греки, то ли римляне. Причём ни у тех, ни у других он широко не применялся, да и позже (в целом) не пользовался той же популярностью, что его ближайший предок — лук. Да, случались эпохи расцвета этого оружия, не отрицаю. Иногда кратковременные, иногда очень и очень продолжительные, когда периоды упадка раз за разом сменялись всплесками интереса, или даже вообще не случались. Например, в том же Китае многозарядные «чо-ко-ну» использовали два тысячелетия, причём зачастую массово. От этого несуразного убожества, пригодного лишь для почти неприцельного торопливого отстрела незащищённых целей на минималь-

ной дистанции, китайцы полностью отказались лишь в первой половине двадцатого века.

Точно помню, что если брать европейский регион, почти всегда и везде наконечников стрел археологи находят на порядок больше, чем остатков болтов. При этом высокая эффективность арбалетов никогда не отрицалась. Также смутно припоминается, что, вроде как, католическая церковь даже объявляла это оружие сатанинским, добиваясь его полного запрещения. Очень уж некоторым не нравилось, что почти необученный простолюдин-стрелок мог одним движением пальца убить благородного рыцаря, которого готовили к битвам с малолетства и обеспечивали дорогими доспехами.

Идея арбалета столь очевидна, что его, скорее всего, изобретали снова и снова в разных регионах, независимо. И, как показала моя вторая жизнь, даже в других мирах до него додумались.

Да-да, прогрессорством мне и в этой теме заниматься не позволили. Здесь давно догадались прикрепить лук к ложу, добавив механизм удержания тетивы и спуска. Даже человек без каких-либо навыков и с минимальными наполнениями атрибутов способен запросто с таким оружием обращаться. На обучение не потребуется много времени, и заключается оно лишь в знакомстве с конструкцией и улучшении меткости. То есть капля теории, дабы сам себя не подстрелил и ничего не сломал, а затем чуть-чуть практики.

Если человек не полностью безнадёжен, как обращаться,

за минуты разберётся. Не знаю, может на Земле у современных блочных «монстров» и есть какие-то сложные особенности, а здесь всё примитивно. Ну а дальше десяток-другой выстрелов по мишени, и этого уже достаточно, чтобы отправлять болты не «куда-нибудь в ту сторону», а хотя бы приблизительно в цель.

Как и на Земле, повышенной популярностью арбалеты не пользовались. В профессиональной армии они попросту не нужны. Там сплошь приличные воины, следовательно, у всех стрелков имеются прокачанные навыки для лучников. Лук куда скорострельнее, и его можно запросто использовать всадникам, да и конструкция гораздо проще, и потому при одинаковой цене он получается качественнее.

Казалось бы, логичный шаг — вооружить арбалетами самых никчемных, презираемых вояками простолюдинов. Ведь обучить кого угодно несложно, а недостаток меткости при массовом использовании — не велика беда. Пускай залпами по вражеским построениям работают, не пытаясь поражать уязвимые точки. На коротких дистанциях тяжёлые болты, даже попадая в самые крепкие детали доспехов и приличных воинов способны озадачивать.

Но если кто-то дошёл до той стадии, когда в бой приходится отправлять массы самых ничтожных бет, это означает и то, что с финансами у этого кого-то не всё прекрасно. А ведь даже самый примитивный полностью деревянный арбалет стоит денег (как и болты к нему), и при этом толку в

местных войнах от него не будет. Такая поделка бьёт недалеко и убойность у неё не впечатляющая. В общем — не имеет смысла. Ну а хорошее оружие и денег требует хороших, по вышеизложенным причинам никто его крестьянам массово раздавать не станет.

Если коротко подытожить: арбалеты дороже луков и при этом сильно уступают им в скорострельности и универсальности (потому что их не любят использовать всадники). Можно назвать и другие причины, но лично я считаю, что перечисленные недостатки — главные. Именно из-за них потомок лука не снискал широкого применения в этом мире.

Но тут, внезапно, появляюсь я. Человек умный, находчивый (и скромный), при больших деньгах и прямо сейчас нуждающийся в сильной армии.

Сильную армию даже в спокойные времена нельзя купить, попросту выложив деньги из кармана. Здесь поблизости нет своей Швейцарии или Германии, где можно оперативно договориться о найме тысяч и тысяч вооружённых и обученных ландскнехтов, способных сразу после оплаты сражаться совместно не как толпа безмозглая, а как полноценное войско.

Так-то наёмников в этом мире хватает, но, обычно, это отряды от десятков до первых сотен бойцов. Также в доступном для меня радиусе есть несколько подобий гильдий, где можно набрать и пару-тройку тысяч, но им потребуется время для отработки взаимодействия (а зачастую и для выясне-

ния, кто здесь самый главный).

Как бы там ни было, ни гильдии, ни большие отряды мне сейчас не светят. Их разбирают до последнего солдата ещё в преддверии больших войн. И даже если успеть попасть в этот промежуток, они, скорее всего, откажут какому-то непонятному юноше из почти мёртвого клана, дабы не злить нанимателей, с которыми у них давным-давно заключены предварительные договорённости. Разве что деньгами попытаться переманить, но это путь скользкий, потому что порядочные на это не клюнут, а непорядочные солдаты удачи потребуют много и сразу, после чего запросто кинут.

Благородством низовая наёмная публика, как правило, не блистает, да и бояться такого, как я, не станет. То есть без авторитета или могущественных покровителей за спиной размахивать перед ними мешками с золотом бессмысленно.

Но с кучкой соратников, крохотной дружиной и ошмётками корпуса мне Тхат не потянуть. Оставленная от всех щедрот Кабула тяжёлая конница — не более чем лёгкое извинение от императора. Увы, это не самый лучший отряд, да и многочисленным его не назовёшь. Скорее символическая поддержка, чем реальная. Если встретимся в чистом поле, южане даже без квартиры нас спокойно массой задавят.

То, что они до сих пор это не сделали, объясняется лишь тем, что неожиданным разгромом у Козьей скалы мы здорово охладили их пыл.

Где же взять армию, если с наймом такие сложности?

На этот вопрос я предусмотрительно начал искать ответ ещё до того, как отправился в южную степь. Не нужно быть гением чтобы догадаться — при такой разнице в силах и возможностях затишье надолго не затянется, и чем раньше примешься готовиться к обострению, тем хуже для врага.

Не буду перечислять всё, что удалось придумать и хотя бы частично осуществить. Остановлюсь на самом главном — на том, что именно должно стать основой объединённой армии.

Единственный реальный источник для массового набора солдат у меня на тот момент оставался один — население Мудавии. Преимущественно бедные горожане и беженцы — первые массово повалили к вербовщикам после выступления вражеских некромантов, вторые и до этого зачастую были готовы за плоску риса на что угодно подписаться.

Первые годились для пехоты, городская жизнь многих отучила от седла. Вторые — наоборот, как правило, в седле проводили больше времени, чем на ногах. Получалось естественное разделение.

Правда, в итоге большая часть кочевников отправилась в ту же пехоту. Нет, коней, причём хороших, у нас после южного вояжа хватало, но тактика, что пока существовала лишь в моей голове, не требовала наличия значительных масс скверно обученных конников. Да и организовать всадников куда труднее, чем «пешеходов», что в условиях нехватки времени и дичайшего кадрового голода — ключевой фактор.

Пехота из простолюдинов (да и конница тоже) везде и всегда считалась унылым мясом. Такие отряды имело смысл применять массово, кидая огромными толпами при начале битвы, чтобы альфы с бетами утомились их вырезать.

Ну а как устанут, свои беты и альфы подтягиваются.

Со свежими силами.

Учитывая мизерную цену жизней простолюдинов — тактика приемлемая.

Но не для меня.

Нет у меня альф с бетами в приличном количестве, чтобы придерживать их для финального этапа битвы. Да и от предрассудков первой жизни вряд ли когда-нибудь избавлюсь полностью, и потому мне претит столь прямолинейно проливать реки неблагородной крови.

Но что прикажете делать с массой слабых и необученных простолюдинов, если не бросать их толпами на убой?

Что-что... Надо сделать так, чтобы не они об врага убивались, а наоборот. Но как прикажете это устроить, если один обученный омега невысокого ранга способен без посторонней помощи играючи прирезать пятерых сиволапых крестьян или пастухов?

А учитывая нехватку оружия и отсутствие хороших достижений, и десяток таких противников не заставит его запыхаться.

Нет, в ближнем бою столь никчемным воякам делать нечего.

Ладно, пускай сражаются в дальнейшем, я же не против. Но каким дистанционным оружием? Традиционным для Мудавии? Это пращи для городских люмпенов и луки для степняков.

Праща — вообще не вариант. Даже с самыми хорошими металлическими пулями дальность не впечатляет, убойность тоже не радует. Тяжёлая пехота такой обстрел не заметит, а конница будет оставаться под ним недолго. Домчится в секунды и перетопчет стрелков.

Луки — интереснее. Но ими владеют немногие скотоводы, и оружие у них самое лёгкое и примитивное, для отстрела дроф с сайгаками. На тех же вековых врагов скотоводов — волков, они с ними не ходят. Предпочитают устраивать на них загонные охоты, где травят зверей псами и колют рогатинами. Даже профильные навыки от ПОРЯДКА далеко не у всех открыты, потому что практики маловато.

Также надо учитывать проблему нехватки стрел. Увы, в Мудавии практически нет своего производства. Охотники довольствуются корявыми самоделками, против дроф с сайгаками их достаточно. Для армии хорошие боеприпасы поступают из неблизкой Равы, где их массово изготавливают особые артели. Но в преддверии большой войны они загружены государственными заказами, много от них не получишь. Что до местных мастеров — они их тоже могут делать, но очень медленно. К тому же материалы достать непросто. Одна из главных проблем — древко. Здесь, в степи, почти

нет своей древесины, а та, что попадает, сучок на сучке и перекручена столь жестоко, что получение из неё длинных плашек, что колются на ровные заготовки, становится почти невыполнимой задачей.

К тому же эти плашки необходимо вырезать или вырубать из подготовленного материала. А это, в первую очередь, сушка подходящих брёвен, и лежать под навесами они должны не меньше года. Разумеется, заранее в нужном количестве их здесь никто не заготовил, и потому бессмысленно размахивать мешками с деньгами, купить не получится.

В общем, боеприпасы в дефиците, лучников мало и качество стрельбы у них оставляет желать лучшего.

Я к тому веду, что даже полностью глупый человек, попав в мою ситуацию, неизбежно вспомнит про арбалеты.

Вот и я вспомнил.

Длительное обучение не требуется, и это прекрасно, это нам очень и очень подходит.

Для болтов сгодится почти любая древесина, и обязательно подготовленная по всем правилам. Степная, кручёная ветрами, даже лучше, она при всех её недостатках крепче и плотнее, а то, что заготовки длинные из неё сложно получать — не критично. Арбалетные боеприпасы куда короче стрел, для них достаточно и укороченного материала.

Низкая скорострельность...

Это, безусловно, минус. И минус жирный. Однако если выбирать между «послать толпу на бессмысленный убой» и

«дать толпе разок-другой выпустить тяжёлые болты по вражескому построению», предпочтительнее выглядит второй вариант.

Цена...

Арбалет — дороже лука (не говоря уже о копеечной праще). Однако для меня этот фактор непринципиален. Тут единственный минус просматривается — ценное оружие многим захочется украсть. Традиции государственные, увы, поощряют криминал. Сбегут новобранцы из армии, прихватив дорогое имущество в качестве сувенира, и придётся мне дезертиров по степи вылавливать, вместо того чтобы воевать.

Доступность...

Вот тут всё очень плохо (и это я очень мягко выразился). Если перетрясти всех местных торговцев, даже сотни арбалетов не наберётся. Оружие не самое простое, популярностью не пользуется, да и цена для нищей Мудавии о-го-го выходит. К тому же строгость местных законов хоть и смягчается их игнорированием, но отчасти сказывается. Лишь некоторые ополченцы имеют право держать мощные боевые самострелы, и отдельные зажиточные граждане, не пожалевшие денег на взятки. Все прочие рискуют в лучшем случае отделаться конфискацией и штрафом.

В общем, в Мудавии приобрести приличное количество арбалетов нереально. В Раве такой товар доступнее, но для моих нужд это тоже ничто. К тому же там большая часть са-

мострелов — слабосильные изящные поделки для охоты на мелкую дичь. Скучающие богатеи ворон и кроликов из них отстреливают. Это хобби не то, чтобы массовое, но даже подобия клубов по интересам существуют, где такие охотники собираются.

В общем, быстро додумавшись до арбалетов, я также быстро осознал, что если останавливать свой выбор на них, придётся заняться самостоятельным изготовлением.

Ну то есть не совсем самостоятельным. Моя роль в этом деле — заказчик-руководитель, а руками работать должны местные мастера.

Пообщавшись с ними, я понял, что дело усложняется. Лишь единицы из оружейников могли создавать изделия качеством выше среднего, причём такая работа требовала бездну времени. Если чуть жертвовать качеством и полностью отказываться от «красивостей», скорость возрастала, но не сказать, чтобы кардинально.

К тому же я провёл испытания созданных образцов и остался недоволен. Увы, только в тот момент начал понимать, что стандартные арбалеты из обычных материалов слабоваты для задуманных целей. Воина в хороших доспехах из них завалить разве что в упор получится, да и то не всякого. Учитывая наличие обычных и магических щитов, а также защитных артефактов, при такой убогой скорострельности они не успеют нанести приличный урон даже лёгкой пехоте.

Про тяжёлую и вовсе промолчу.

А уж про быструю конницу лучше и вовсе не вспоминать.

Простой на первый взгляд план начал усложняться. Для начала я подумал про усиление оружия. Но если брать обычный ручной арбалет, увеличение мощности сопряжено с утяжелением конструкции. Причём с какого-то предела изменением веса уже ничего не добьёшься, так как самострел станет неподъёмным. Дальше потребуются материалы получше, а там и вмешательство мастеров-артефакторов.

В Мудавии почти всё кроме навоза или просто дефицит, или дефицит страшный, и качественных материалов это тоже касается. Если довольствоваться обычными, конструкцию придётся утяжелять до такой степени, что полученное оружие перестанет быть ручным. Его придётся таскать вдвоём или втроём, а то и на колёсном лафете перемещать. Насколько мне помнится, подобные «мега-арбалеты» в земной истории отметились. Назывались они аркбаллистами и в «допушечную» эпоху выступали в роли полевой артиллерии.

Я ничего против полевой артиллерии не имею, и даже разместил заказы на пару десятков таких аркбаллист, но понимал, что даже минимальную ставку на столь тяжёлое вооружение делать не стоит. Скорострельность совсем уж плачевная выходит, мобильность хромает, солдат сложнее готовить, и, самое главное, на изготовление уходит слишком много времени и материалов.

И у боеприпасов к ним те же проблемы.

Итогом моих мысленных мучений стал особый арбалет.

Настолько особый, что, завидев прототип, мастера, которых я вызвал, дружно скривились. Впрочем, услышав, сколько я согласен за такое убожество платить, они тут же оживились и нарекли эту позорную несуразицу гениальным изобретением.

Представьте себе почти полноценный брус, подходящий для строительства крепких одноэтажных домов. Квадратного сечения, длиной больше метра, из той самой «кручённой» степной древесины, о которую самые качественные пилы быстро тупятся. Ему даже углы толком не обтесали, дабы сроки изготовления не затягивать. Спереди в глубоком пазу закреплён толстенный лук из реек и роговых пластин, в несколько слоёв скреплённых сухожилиями и ремешками из сыромятной кожи. Металла в конструкции минимум, и почти весь он пошёл на механизм удержания тетивы и спуска. Тетива толстенная, с палец, но даже такая в лучшем случае выдерживает не больше пары сотен выстрелов.

Дело в том, что дури в арбалете не просто много, а чрезмерно. При выстрелах у новобранцев едва глаза от страха не выпадают, а чтобы заменить обтрепанную или лопнувшую тетиву требуются особые винтовые станки, перевозимые в обозе.

Для механизма взведения не осталось места. Очень уж тяжёлое оружие получилось, он бы увеличил вес ещё на несколько килограмм. Банальная «козья нога» здесь не годится, силы с ней управиться не хватит, поэтому солдатам

приходится отдельно таскать железный ворот с деревянными вращающимися ручками. Этой детали уделили особое внимание, потому что любое облегчение работы может существенно увеличить скорость перезарядки.

Стрелять с плеча из такого «уродца» не каждый высоко-развитый бета сможет, а мои стрелки сплошь омеги. Так что я даже не стал пытаться учить их этому, сразу отказался от идеи полноценного приклада.

И принялся думать, что тут можно поделаться.

И представьте, даже придумывать не пришлось. Как бы я ни прогуливал историю в школе, некоторые вещи то и дело вовремя вспоминались. И вместо откровенно провальных в местных реалиях идей таскать дополнительные подставки-рогатины или щиты с прорезями сверху, я добавил арбалетчикам то, в чём они тоже нуждались. Новобранцы получили дополнительное вооружение — особый здоровенный топор с тонким лезвием. Что-то вроде бердыша стрельцов. Те на него пищали устанавливали, ну а мои, за неимением огнестрела, понятно что.

Таким образом убивал двух зайцев: давал арбалетам опору и обеспечивал стрелков дополнительным вооружением для ближнего боя.

Самую дешёвую стальную кирасу тяжёлого пехотинца тяжёлый болт почти каждым выстрелом пробивал за восемьдесят шагов в грудную, наиболее крепкую часть, но уже за сто двадцать метров это получалось лишь в редких случа-

ях.

Категорически недостаточно. Требовалось больше. Значит, надо наращивать мощь и дальше.

Увеличить мощность можно тремя способами: утяжелить конструкцию, сделав лук ещё больше и добавив в него тугих пластин; использовать более дорогие материалы; привлечь к делу мастеров артефакторики.

Утяжелять — не лучший вариант. И без того бедолаги-арбалетчики уподобились носильщикам. Оружие в три четверти пуда весом (а вместе с воротом для заряжания выходит полный пуд); массивный бердыш; вдвоенный патронташ на двенадцать болтов (каждый из которых весит четыреста с лишним грамм); шлем из кожи и стальных полосок, обеспечивающий кое-какую защиту спереди и сверху, и лишь видимость её в других направлениях; стеганная безрукавка с деревянным щитком на груди, местами укреплённая кожаным плетением. Она ни от чего не спасает, её роль — не позволить вражескому лучнику пробить солдата навылет и поразить стоявшего за ним бойца.

Это я перечислил лишь то, что приходится носить на переходах. Когда дело доходит до боя, на каждый десяток солдат полагается дополнительно взваливать одну-две разборные полевые рогатки или три-четыре «ежа» и до двадцати специальных кольев, которые весят не меньше арбалета. Для установки этого хозяйства дополнительно полагались одна-две огромные киянки, железный лом и лопата.

Также для битвы двенадцать болтов как-то маловато, следовательно, нести придётся двойной боезапас.

А то и больше.

В общем, если и дальше утяжелять, спины начнут ломаться. Единственный плюс в повышенном весе — арбалеты не пользовались популярностью у любителей воровать, коих в Мудавии хватало. Такие уродливые громадины попросту никому неинтересны.

Да и попробуй утащи тайком.

Ладно — отпадает вариант.

А что там с дорогими материалами?

Такие я бы и рад использовать, но достать их здесь в нужных количествах нереально. Поискать за пределами Мудавии можно, но сами поиски и доставка займут время, да и сроки изготовления затянутся на неопределённый срок.

Хорошие материалы спешку не любят.

Волей-неволей пришлось задумываться о последнем варианте — артефакторике. Это дорого, это сложно, и не всё возможно сделать быстро. Лучшее, что могли предложить местные мастера — укрепление конструкции. При этом без увеличения веса существенно возрастили мощь и ресурс оружия. Зачарованный арбалет можно немного переделать, чтобы натянуть потуже, и тем же болтом он прошибёт недорогую стальную кирасу уже за сто тридцать шагов в девятнадцати случаях из двадцати. Причём хватит его уже не на сто или двести, а на все триста выстрелов. Эффект временный и

вредный, потому что спустя три месяца плетение начнёт деградировать, разрушая при этом детали, и приблизительно за неделю конструкция придёт в полную негодность.

Впрочем, учитывая невеликий ресурс, срок нормальный.

Кто-то скажет, что прибавка прекрасная, но я так не скажу.

Маловато.

Добавить на арбалет ещё один эффект как бы можно, но только не с такими материалами. Да и не в них основная загвоздка. Мне с моими финансами несложно инкрустировать пару драгоценных камней в качестве дополнительных носителей, но какой в этом смысл? Аборигены с рождения способны эффективно использовать лишь один предмет с артефактными свойствами. Второй можно добавить только после достижения седьмой ступени просветления и только после того, когда пройдёшь хотя бы низкоуровневое испытание в Первохраме, или выдержишь частично его заменяющий ритуал. Далеко не для всех эти возможности доступны, к тому же за ними мало кто гоняется.

Артефакты — дело дорогое, немногим простолюдинам светит хотя бы одним обзавестись, вот и не видят смысла стараться.

Но я додумался до нехитрого способа обмануть систему. Точнее, не я — ответ перед глазами лежал.

Частенько этим «багом» пользуюсь.

Артефактная стрела — тоже артефакт, но особый. Дело

в том, что почти все их разновидности хранятся и переносятся в неактивном состоянии, иначе колчан с ними «перегрузит» ПОРЯДОК даже у большинства альф. То есть они не учитываются при расчёте действующего количества. Плетения «включаются» лишь после выстрела, триггером служит резкое ускорение. Что-то наподобие механизмов взведения взрывателей у артиллерийских снарядов на Земле. Как и они, сорвавшись с тетивы, активируются через метр-другой, и при этом уже сами по себе считаются, отдельными предметами.

То есть опять же не учитываются в лимитах.

Добротные артефактные болты — штуки дорогие и в Мудавии их приобрести сложно. А если речь о десятках тысяч идёт — даже в Раве торговцы лишь рассмеются, услышав о столь безумном заказе.

Однако есть варианты попроще — опять те же самые временные артефактные эффекты. Им не требуются дорогие носители, и длительная подготовка материала основы тоже не нужна. Обычного наконечника из паршивого железа для многих плетений достаточно, чтобы оно удерживалось те же три месяца или даже больше.

Загвоздка в том, что среднестатистический мастер за день способен не больше полусотни таких боеприпасов зарядить. И цену за них будет ломить соответствующую — конскую. И учитывая то, что подходящих спецов в столице Мудавии и десятка не наберётся, нужное количество мне и за два ме-

сяца не собрать ни за какие деньги.

И потому я их всех умельцев загрузил работой над арбалетами, пока ученики, подмастерья и прочие помощники готовили наконечники особым образом, чтобы те могли принять основу.

Моё требование добавлять при этом на металл особый штамп сочли пустой блажью северного аристократа. Откуда им знать, что это не просто значок причудливый, это хитроумно замаскированный шаблон простейшего рунного конструкта. Последняя награда старца позволила мне наделять стрелы и болты временным свойством, срабатывающим при ускорении.

Свойство самое простое — пробудившиеся при выстреле руны заставляли боеприпас разгоняться ещё больше.

И то же самое в придачу делало артефактное плетение.

И то и другое — достаточно мощные эффекты выдаёт. Болт, отправляясь в полёт, почти с места разгоняется до сверхзвука, стремительно разогревается, затем вспыхивает и уже через неполный десяток секунд разлетается пылающими ошмётками. Покази я такое мастерам, их бы такое зрелище здорово озадачило. Неудивительно, ведь даже если довести несколько ветвей профильных навыков до космических величин, вряд ли добьёшься столь бурной реакции за счёт одной лишь артефакторики. Лишь руны на такое способны, и только если их как следует напичкать энергией.

Энергии у меня полным-полно, и у нас тут не туманные

низины, здесь она из меня не растекается в никуда, а наоборот, стремительно возобновляется. Особенно если находишься там, где скорость её регенерации повышена.

Благодаря учению мастера Тао я такие места находить умею.

При правильно организованной работе у меня получается зарядить две с половиной тысячи болтов за десять часов. Ещё пара сотен при этом уходит в брак.

Нормальные потери, если учитывать спешку, дешевизну материалов и то, что люди, готовящие рунную основу, действуют втёмную, не понимая сути своей работы.

Десять дней такой деятельности — двадцать пять тысяч тяжелых болтов. Месяц — семьдесят пять тысяч.

В данный момент под моим началом состоят шесть тысяч четыреста арбалетчиков. И это почти не испорченные учёбой омеги, то есть, по местным понятиям — человеческий мусор. И они же, если судить по количеству — основа нашего войска. Во всех прочих частях пока что суммарно насчитывается две тысячи девятьсот солдат.

Дружину считаю отдельно — это ещё две сотни.

Мои.

Части, подчиняющиеся Пробру и лояльным наместникам, не учитываю. Армия называется объединённой лишь или для красоты, или из-за того, что в ней объединены граждане Мудавии, Равы и наёмники со всех концов юга и севера. О настоящем объединении речь не идёт. Увы, полного сосре-

доточения в единый организм всех имеющихся в стране военных ресурсов я добиться не смог. Местные, увы, всё активнее и активнее перетягивают одеяло на себя, а мне не хочется тратить время, разбираясь с их интригами.

Итак, пока что основа моего личного войска — шесть тысяч четыреста стрелков. На такое количество боезапас для пешего перехода — двенадцать болтов. И чтобы обеспечить всех бойцов, мне потребуется тот самый месяц.

Причём не факт, что его дадут.

Поэтому ни о каких десяти часах не может быть и речи. Я выкраиваю для работы каждую минуту, каждую секунду. Со мной рядом почти круглосуточно находятся несколько помощников, которые подносят незаряженные боеприпасы и утаскивают готовые.

Если верить данным разведки, враги активизируются, но не так, чтобы быстро. Один боекомплект я уже почти обеспечил.

А вот успею ли закончить второй — непонятно.

Глава 2 Неблагозвучное название

Глава 2

Неблагозвучное название

«Тяжёлые арбалетчики» уважением в обновлённой армии не пользовались. Сородичи-мудавийцы в государственных отрядах часто завидовали им за то, что те хоть каким-то боком числились приписанными к корпусу. Служба там по традиции считалась почётной, да и снабжение бесспорно лучше, и, по общему мнению, таким недоразумениям в элитных частях не место.

Корпусные солдаты своих новых соратников не уважали по тем же причинам, и своими их считать отказывались. Даже на военных советах то и дело слышалось — «тряпки». Такое вот для них обидное прозвище подобрали. Формально — из-за невзрачных стёганных безрукавок с деревянными кругляшами, что наряду с самыми примитивными шлемами защищали стрелков.

Неформально — просто выказывали неуважение.

Сегодня у нас усложнённые учения. Усложнение заключается в том, что арбалетчики выступают совместно с представителями других отрядов. Две полных тысячи стрелков отрабатывают линию на открытой местности, четыре сотни пехотинцев Кошшока играют роль их прикрытия и вдобавок

привлечена моя дружина, она изображает конную поддержку.

Эти две тысячи — последние из полностью сформированных. То есть обучены минимально, некоторые из их сержантов такие же арбалетчики, но из первых наборов. Ввиду кадрового голода пришлось выкручиваться, но на должности брали лишь тех, у кого был хоть какой-то боевой опыт и голова на плечах. Большинство — чудом спасшиеся солдаты из гарнизонов оборонительных линий, остальные — пастухи, которые подобно моей дружине пытались гонять табунщиков и всяких мелких фуражиров.

Опыт и у тех и у других — так себе, но на фоне прочих смотрятся великанами среди засилья карликов. К тому же управлять сложными процессами им не приходится. Понимая всю печаль ситуации с кадрами, я никого не заставлял из кожи вон лезть. Первым делом разделил все боевые приёмы на простейшие составляющие, и заставлял каждую отрабатывать снова и снова, до автоматизма.

Даже у никому не нужных омег-новобранцев что-то получалось. Дело ведь нехитрое, да и бояться нечего.

Это ведь просто учения.

Но не надо думать, что им всё давалось запросто. Я рассчитывал, что чем больше они пота прольют на учёбе, тем меньше крови потеряют в бою. И, не загружая новобранцев сложностями, гонял до дыма из подошв.

Для начала им пришлось совершить быстрый переход

по старой военной дороге: девять часов под степным солнцем с минимальным количеством привалов. На полноценный марш-бросок по условиям не тянет, но приятного мало. Хотя дело к зиме приближается, но здесь на юге, небесное светило и по осени жарит беспощадно. Несмотря на наличие качественных лекарств и эликсиров, три десятка солдат получили тепловые удары, и до финиша их довезли на лёгких повозках, предназначенных для провианта, рогаток, кольев, запаса болтов и прочего скарба, что не помещается на перегруженные солдатские горбы.

Пока офицеры изучали поле боя, уставшим бойцам выдали по одному стимулирующему эликсиру и позволили десятков минут отдохнуть.

Ну а дальше началась работа.

Сержанты, получив инструкции от офицеров, расставили солдат в линию. Застучали огромные киянки, в сухую почву вгрызлись лопаты. Степь оцетинилась рядами острых, наклонённых к противнику кольев, вдоль первого ряда стрелков выстроились рогатки и «ежи». Кое-где их, по возможности, обкладывали понизу камнями, засыпанными землёй. Это добавляло полевым укреплениям устойчивости и дополнительно прикрывало ноги солдат от возможного обстрела.

Задача рогаток — не только защита. При пассивной обороне, когда стрелки стоят на месте, они используются в качестве опоры для тяжеленного оружия. Бердыши идут в дело только когда отряды сражаются на неподготовленной по-

зиции, где нет иных вариантов.

Кошшок поковырялся во рту грязным пальцем и прогу-дел:

— Вот же свиньи беременные. Еле шевелятся. Так и хочется подойти и пинка дать.

— Для новеньких вполне приличный темп, — чуть реабилитировал я стрелков.

Рэг покачал головой:

— Пику каждому выдать самую простую и в несколько шеренг построить. Тогда хоть какой-то толк будет.

— Побегут такие пикинёры, когда первая кровь прольётся, — сказал я.

— Побегут, конечно, — согласился Кошшок. — Но не все. Многих от страха паралич хватит. Такие первым делом навалят в портки, а потом будут стоять до последнего с пиками наготове. Я на них насмотрелся.

— И толку от этих паралитиков? — хмыкнул я.

— Ну... хотя бы постоят на месте, пока их не прирежут. Резать мгновенно не получится, значит, отвлекутся враги на это дело, время потеряют. Да, смысла в таком стоянии, как молока от комара, но хоть что-то. А от твоих «тряпок» смысла вообще не вижу.

— Разве ты не знаешь, на что способен такой арбалет?

— Видел и знаю. Десница, со всем к тебе уважением, но «тряпки» хорошо, если разок выстрелить успеют. А ведь стрелять никто из них не умеет. В степь попадут, это да, она

тут везде, а вот в цель ни за что. Это шелуха человеческая, это последний мусор мудавийский, солдаты из такого навоза ни на что не годятся.

— Но выстрелить можно не один раз, а несколько, — заметил я.

— Да, можно, — не стал спорить рэг. — Но только где несколько раз, а где эти навозники? Даже если «тряпки» не побегут сразу и станут перезаряжаться, никак не успеют. Их пехота быстрее стопчет, а уж про конницу и говорить нечего. Топоры свои уродливые они побросают, без них ведь бежать легче и потом станут голыми лапами отмахиваться от сабель. Вот так и кончатся твои стрелки. Зря только время на них тратишь.

— Перед Козьей скалой ты тоже в победу не верил.

— Ну а откуда мне было знать, что ты такие редкие штуковины мешками раскидывать станешь? Против нас три армии вышли, а три короля, как-никак, звучит громче, чем один Кроу. Вот только они даже если вместе закрома свои вытрусят, столько подарков от Жизни не наберут. Да хорошо, если у них хотя бы один на троих найдётся. А у тебя вдруг сразу столько вдруг оказалось. Никто такого не ожидал, вот потому они и опростоволосились. Но на этот раз знают твои штучки и уж точно не забудут. Не сомневайся, десница, приготовятся, как полагается. Может какие-то потери ты им и устроишь, но о повторении Козьей скалы даже не мечтай. Два раза такие трюки не срабатывают.

Солдаты, между тем, приступили к стрельбе. Арбалеты били так шумно, что залпы походили на отдалённую пальбу из огнестрельного оружия. Впрочем, ругались офицеры и сержанты столь экспрессивно, что иногда заглушали все прочие звуки.

Первая шеренга, отстрелявшись, хватала разряженные «дрыны» и мчалась назад, устраиваясь позади строя, где бойцы начинали спешно перезаряжаться. На их место становились новые арбалетчики, делали свои выстрелы и повторяли тот же нехитрый манёвр.

У бестолковых новичков на перемещение, зарядание и выстрел уходило до восьмидесяти пяти секунд. Чуть обученные укладывались в минуту с небольшим. Самым лучшим арбалетчикам, из первых наборов, требовалось около пятидесяти секунд, и этот результат меня уже кое-как устраивал.

Десять годных по моим меркам стрелков в одном «кластере», вытянувшимся напротив закреплённого за ними куцевого отрезка рогатки, выпускали один болт каждые пять секунд. И тысяча человек занимала при этом сто с лишним метров фронта. Если выставить все шесть тысяч, это получится около семи сотен метров, выдающие сто двадцать болтов в секунду.

Всё равно, что двенадцать станковых пулемётов поставить на неполном километре траншеи. Вместо окопов у нас рогатки да колья, также у кузнецов завис заказ на «чеснок» — они до такой степени загружены, что даже подмастерьев на

это дело пока что выделить не получается.

Двенадцать пулемётов — звучит круто. Но надо учесть, что пулемётчики у нас так себе. Учитывая качество местных кадров, я даже не стал усложнять конструкцию арбалетов полноценным прицелом. Увы, Кошшок прав — по бескрайней степи они не промахиваются, однако на что-то большее рассчитывать сложно.

А нет... перехвалил... Вон, чёрточка в небо взмыла, вон другая. Какие-то оболтусы криворукие жмут на спуски при переноске заряженного оружия. Сержанты от их тупости свирепеют и громогласно желают им чрезмерного разнообразия в половой жизни, но поток слушателей пошлятины не иссякает.

Да уж, не в степь, а в небеса стреляют. Вот же бестолочи. Впрочем, не припомню такое, чтобы болты где-то в воздухе оставались. Все падают вниз.

То есть, в конечном итоге всё же попадают в степь.

Стрельба ведётся обычными болтами, без артефактного плетения и без рун. Мы их называем тренировочными, хотя они вполне себе боевые, — за сотню шагов человека навывлет прошивают, если тот без крепких доспехов.

Тратить «заряженные» на учёбу недопустимо, хотя их у нас уже сто с лишним тысяч накопилось, но этого всё ещё слишком мало. С одной стороны нехорошо, что солдаты не получают опыт обращения с боеприпасами, на которые я сделал ставку, но с другой ничего плохого в экономии не ви-

жу.

Новобранцы что тренировочными, что заряженными одинаково скверно стреляют. Разницу между ними не видят: что так косо, что эдак. По весу те и те одинаковые, различия проявляются лишь в полёте. У обычных траектория совсем не та, они падают гораздо раньше.

«Необычные» болты рядовую стальную кирасу за полкилометра пробивают в девяноста шести случаях из ста. Причём иногда навывлет. При таком весе и скорости на коротких дистанциях они способны преодолевать защиту дешёвых амулетов и прошивать слабо прокачанные стихийные щиты.

И это если не учитывать наличие навыков у арбалетчиков. Они ведь заметно сказываются на результативности даже при начальных параметрах. Конечно, без приличной Меры ПОРЯДКА открывать умения тренировками можно месяцами и годами, но так как у нас тысячи стрелков, по закону больших чисел некоторым уже повезло получить стартовые знаки. Таких мы выделяем отдельно, вооружая самострелами с полноценными прицелами и позволяя сделать по несколько выстрелов «заряженными» болтами.

Остальные пускай хоть простыми палками стреляют, — главное, чтобы сержанты следили за правильной установкой арбалетов и углами прицеливания. Залповая стрельба на то и залповая — кто-то мажет, кто-то попадает, на следующем цикле роли бойцов могут поменяться, но враг какой-то урон

получает в любом случае. Работает всё тот же закон больших чисел: чем больше болтов выпущено, тем выше шанс появления подстреленных противников. Поэтому новобранцев натаскивают на скорость, а меткость, можно сказать, не требуют вообще. Ну да, она нужна, никто не спорит, но некогда нам её с нуля нарабатывать.

Вот потому и учат лишь правильно оружие ставить, по команде задирая к небесам на нужное возвышение, а не как попало. Для этого на боковине арбалета приделана специальная планка с прорезями, всего у неё восемь положений. Первое — дистанция сто метров, второе — двести и так далее.

Ну а если без планки — прямая работа.

Но при обычных зарядах это уже почти в упор.

Прицел рассчитан для артефактных болтов, но для тренировки непринципиально, чем бить, ведь непосредственно при выстреле никакой разницы для солдата между ними нет.

Зрение у Кими тоже разогнано о-го-го, заметила пальбу в небо, позлорадствовала:

— Я смотрю, наши меткие стрелки даже в степь не всегда попадают.

— Глазастая, — похвально отозвался Кошшок и спросил: — А может выгнать взашей эту немощь и больше наёмников набрать? Если, конечно, деньги найдутся.

Я чуть скривился:

— Деньги для такого дела найдутся, а вот наёмники вряд ли. Почти всё живое ещё до нас и в Раве и вокруг неё вы-

гребли. Мы последних забрали, и в основном это мусор человеческий, а не бойцы.

— Но даже за одного такого «мусорного» я этих смешных задохликов два десятка отдам, — Кошшок указал на стрелков, что так и продолжали расстреливать степь.

С переменным успехом.

— В ближайшее время могут ещё подойти, возможно, получше окажутся, — нехотя признался я. — Но сильно на них не рассчитывай, не факт, что они вообще сумеют добраться. Да и в самом лучшем случае их будет немного.

— Ну если как те мечники Свена из последнего отряда, то хотя бы тысячу таких, и уже можно строй нормальный пытаться ставить, — сказал Кошшок и мрачно добавил: — Но что со строим, что без него, побьют нас как маленьких. Магов, считай, нет, стрелки только такие вот, в степь не всегда попадающие, тяжёлой пехоты всего ничего. Хорошо хоть конницу имперскую всю не забрали, но сколько там её? Восемь сотен рыл, что ли? Только покрасоваться перед Тхатом хватит. Это что за войско такое? Враги своих десятками тысяч считают, а мы своих сотнями. Какая-то плохая война получается...

— Магической силы у некоторых наших магов прибавилось, — заметила Кими, довольно улыбнувшись и погладив наверхи Крушителя сути.

Да-да, я, наконец-то, сумел отремонтировать древнее оружие. Спасибо малым призовым трофеям рунного мастера,

обычными способами починить столь критичную поломку не получалось.

Собственно, ремонтов понадобилось три: перезапись рунных чар; восстановление рунных последовательностей и последующее обычное обслуживание, для которого требовались лишь знаки ци и первородная суть. Вот для первых двух этапов и понадобились малые трофеи. Да и последний стал осуществим лишь на днях, после изучения и приличной прокачки Артефакторики.

А ещё мне, помимо прочих ингредиентов, потребовался качественный алмаз весом не менее девятнадцати карат. Камень дорогой, но проблема заключалась не в цене, а в том, что у мудавийских ювелиров столь крупного необработанного самоцвета не оказалось. Как я ни искал, что ни предлагал, никто не смог помочь.

Спасибо Бяке и Гнусису, выручили. Достали где-то у кого-то.

И хотя это противоречило моим убеждениям, в данном случае подробности предпочёл не выяснять.

Как я понял, тратить призовые трофеи на ремонт рунных предметов — всё равно, что золотыми слитками пытаться глушить морскую рыбу. То есть швырять их в воду.

В самом глубоком месте океана.

Полноценные рунные мастера возвращают прочность вручную, напитывая энергией специальные одноразовые рунные конструкты. При необходимости добавляют требу-

емые материалы, но, как правило, это ничего сверхъестественного. Максимум — редкие драгоценные камни и ингредиенты из опасных монстров.

Для меня этот путь закрыт (пока что), вот и пришлось разбрасываться призовыми трофеями. Хотелось, конечно, их приберечь, но сделать из Кими чуть более приличного мага хотелось ещё сильнее. Теперь у неё есть несколько неплохо развитых в Лабиринте низовых стихийных навыков (включая отличные щиты), Чёрное солнце юга и тридцать пять зарядов Крушителя. До моих возможностей она может и не дотягивает, но низовой волшебницей её уже никто не назовёт.

Жаль, что она у меня одна такая. Мне бы её как-нибудь клонировать, чтобы десять Кими минимум под рукой были. Уж я бы тогда развернулся...

Перестук арбалетов резко стих. Всё — боекомплект израсходован. Бойцы потянулись за сержантами в степь, собирать болты. Древко у тех толстенное; гусей в Мудавии мало, пришлось делать оперение из грубых деревянных пластин; наконечники железные, так что удары о сухую землю им редко вредят. Разве что в камень попадут, но тут их мало. Поэтому учебные боеприпасы можно использовать снова и снова, этот набор специально держим для тренировок.

Позади послышался торопливый перестук копыт. Камай насторожился, повернулся, положил ладонь на рукоять меча. Но зря проявил бдительность, это оказался посыльный от разведчиков.

— Господин, получено срочное донесение от южного дозора.

— Говори.

— Птица заметила большой отряд Тхата. Приблизительно две с половиной тысячи лёгкой конницы и около шести сотен тяжёлой. Двигутся быстро по старой военной дороге. Если не повернут и не остановятся, окажутся здесь через час с небольшим. Дозорные просят разрешения вернуться.

— Откуда южан Хаос принёс? — удивился Кошшок. — Там же немного дальше на повороте большой лагерь, в нём половина мудавийской армии стоит. Получается, они её обошли?

Я покачал головой:

— Полагаю, этой половины больше нет.

Кими тоже покачала головой:

— А ведь ты предупреждал этого зарвавшегося советника, чтобы он не игрался в солдатиков. Не послушал. Какой глупый простолюдин.

Кошшок уставился на поле, по которому так и бегали стрелки, собирая болты, и мрачно прогудел:

— До города отсюда пешком минимум восемь часов идти, когда всё хорошо и ноги бодро ходят. Но эти слабаки выдохлись, они сейчас и за двенадцать не справятся. Всё, десница, эти две тысячи можешь вычёркивать из списков.

— А ведь они, возможно, именно за ними и пришли, — задумчиво протянула Кими. — Если так, получается, знали

про учения. Кто-то предал.

— Да мудавийцы и предали, — отмахнулся Кошшок. — Тайна невеликая, многие знали, что на этом поле постоянно наша криволапая пехота марши и стрельбы устраивает. Ну что, десница, командуй.

— Что командовать... — рассеянно протянул я, прикидывая варианты.

— Как это что? Отступление командуй. Я с моими ребятами попробую уйти через степь, напрямую. Вот нам, за пригорком, есть удобные каменные проплешины, на них следы не остаются. Попробуем аккуратно пройти, шансы есть. По дороге отходить нельзя, конные быстро догонят, не отобьёмся, а так могут и пропустить. Дружину забирай, а «тряпкам» приказывай бросать дрыны и быстрее разбежаться. Если затянешь с этим делом, южане будут хвастаться, что не кого-то, а именно тебя разгромили в битве при вон той деревне, — рэг указал на скопище глинобитных лачуг, что располагалось северо-западнее. — А так, получится, тебя здесь не будет, и этих недоделанных стрелков без тебя перережут. Так-то оно тоже победа вражеская, но ты уже почти ни при чём. Не надо портить репутацию поражениями. У тебя пока что лишь одна победа громкая, да и та не очень-то...

— Почему не очень-то?! — возмутилась Кими.

— Да потому что победа при Козьей скале звучит так себе. Уж поверь мне, девчонка, правильное название битвы, это половина славы. А то и больше.

Приняв, наконец, решение, я указал на окраину селения:

— Кто знает, как называется эта деревня?

— Козий пруд, — ответил Камай.

— Что?! Да Хаос побери и этих коз, и этих мудавийцев!

— А что тебе так не понравилось, десница? — спросил

Кошшок.

— Что-что... Готовимся к бою, вот что. Никто никуда не побежит.

Глава 3 Один час на все приготовления

Глава 3

Один час на все приготовления

Не знаю, как там на Земле раньше было, а здесь битвам предшествует продолжительная подготовка. Не бывает такого, что две армии сталкиваются внезапно на узкой дороге, до последнего не зная друг о друге. И те, и другие разведку ведут, а незаметно значительное количество солдат переместить невозможно. Каждая сторона хочет что-то выгадать, нанести противнику максимальный урон и отделаться при этом минимальными потерями, ради этого приходится тщательно контролировать окружающую обстановку.

Исторические сражения, бывало, растягивались даже не на дни, а на недели. Вначале мелкие отряды друг дружку прощупывали, пытались что-нибудь урвать из вражеских обозов или захватить зазевавшегося офицера; затем начинались стычки подразделений побольше; основные силы собирались в единый кулак, сходясь к удобным местам и устраивая защищённые от внезапных набегов лагеря.

Неожиданное появление большого конного отряда на подступах к столице может оказаться одним из первых эпизодов

намечающегося генерального сражения.

А почему не первым?

Да потому что первым стал разгром мудавийского заслона. Причём этот разгром меня ничуть не удивил, ведь я считал его неизбежным, и вопрос упирался лишь во время его существования.

Недолго протянул.

Ровно до того момента, когда южане подошли.

Советник Пробр, на птичьих правах исполняя обязанности Первого друга народа, почему-то возомнил себя одновременно великим стратегом и самостоятельной политической фигурой. Скорее всего, убедил себя, что после разгрома у Козьей скалы южане дальше не сунутся, следовательно, если не лезть к ним, ничего страшного не случится.

Поначалу, правда, попытался полезть, устроить рейды ради грабежей, но быстро обломался и решил, что такая война ему неинтересна. Слегка рассорившись со мной на почве делегирования полномочий, он вывел отдельные мудавийские отряды из корпусного подчинения и отправил их возвращать контроль над теми землями, до которых не добрался Тхат.

Земель таких хватало. Собственно — почти вся страна сама себе предоставлена. Лишь северные регионы контролировались так же, как раньше, да и те не все. Где корпус отвечал за безопасность, там порядок, а где мудавийцы — там зачастую тотальный грабёж беженцев и демонстративное игнорирование центральной власти.

Пробр собрал немалые по меркам Мудавии силы и прошёл по «серой зоне», разгромив замки некоторых много о себе возомнивших наместников. В первую очередь тех, земли которых располагались южнее столицы, к западу от старой военной дороги и в речной долине. Это наиболее благодатные и полностью освоенные территории, большую часть продукции земледельцев страна получала именно оттуда.

Бывший советник отправил на виселицы нелояльных наместников и поставил вместо них своих управленцев. В итоге он в кратчайший срок стал почти монополистом в производстве риса и некоторых других важных для страны полевых культур. А чтобы оградить столь богатые кормушки от набегов карателей Тхата, разместил половину подконтрольных ему воинских сил на границе контролируемых южанами территорий.

Прямо скажу, силы — так себе. В основном всякое отребье, вроде моих арбалетчиков. Только стрелков-новобранцев не всех подряд набирали и хоть немного вымуштровали, а мудавийцами практически не занимались и за мизерную взятку влиться в их воинские ряды мог кто угодно, хоть сам Некрос. Кормили их впроголодь, провоцируя решать вопросы снабжения самостоятельно, из-за чего они временами грабили крестьян почище всяких завоевателей. Но в целом со своей задачей справлялись, мелкие отряды карателей на рожон там не лезли, а крупные после Козьей скалы Тхат на север не отправлял.

Сегодня всё изменилось. Конница, что сейчас движется к Козьему пруду, вряд ли обошла позиции мудавийцев. Она самостоятельно или с пехотной поддержкой раскатала их лагерь, не позволила солдатам Пробра убежать по дороге, разнося весть о поражении, и быстрым маршем подобралась к нашему полигону. Не удивлюсь, если Кими права. То есть кто-то сдал расположение стрельбища и дежурил на пути, что вёл от столицы. Как увидел, что на учения движется очередной отряд, так и отправил птицу с донесением, или сумел пообщаться при помощи амулета связи.

В этой местности с ними не всё просто, они, можно сказать, работают раз в году (причём недолго), потому её и выбрали для учебных стрельб и маршей. Дополнительная мера безопасности. Но вот в округе кое-где связь может пробиваться, благодаря чему мы и получили весть о появлении противника. Уверен, что и шпионам южан такие «аномальные места» известны.

Как бы там ни было, трёхтысячный конный отряд — это по меркам нашей войны уже и не отряд вовсе, а войско приличное. Две тысячи арбалетчиков-новичков при таком раскладе смотрятся жалко, и четыре сотни пехотинцев Кошшока не делают картину менее печальной.

Тут я немного сам себя переиграл, вооружив свой новый род войск очень уж специфическим оружием. Будь у них обычные, пусть даже маломощные арбалеты, или хотя бы пращи, и можно не сомневаться, какой-то ущерб нанести

смогли бы даже в чистом поле. Как ни быстра конница, а несколько выстрелов каждый успеет сделать. Большая часть всадников там из ополченцев, вся их защита — стеганные халаты и войлочные шлемы с нашитыми по сторонам прядями конского волоса. Разве что от лёгких болтов на излёте спасает.

Но мои стрелки лишь один залп успеют сделать. С учётом их неопытности и необстрелянности, перезарядка у них займёт минимум полторы минуты. Я бы даже скорее на две рассчитывал.

Если они вообще не побегут сразу, выпустив болт «куда-то в ту сторону».

Какие-то потери южане и от единственного залпа понесут. Если сильно повезёт, сотню потеряют убитыми и серьёзно раненными, а то и все две. Но это их лишь раззадорит.

Налетят на всей скорости и сомнут, не позволив выстрелить ещё раз.

Если отбросить предложение Кошшока, когда он настоятельно советовал свалить побыстрее и сделать вид, что меня возле Козьего пруда никогда не было, я видел лишь два варианта.

Первый — отправить всю пехоту назад, в город, а самому остаться с дружиной и устроить игру в догонялки. Южане будут нести потери от стрел моих шудр и моей магии, мы же будем работать строго от дистанции. Несмотря на то, что врагов в пятнадцать раз больше, у нас неплохие шансы из-

мотать их за пару-тройку часов. Им надоест нести потери, а догнать прытких противников при всём желании не смогут, ведь у них кони гораздо хуже. В итоге плюнут и развернутся, помчатся назад.

Ну а мы следом припустим, и будем преследовать, стреляя в спину. И либо разгромим, либо опустошим колчаны и направимся вслед за арбалетчиками.

План хорош. И новых дружинников в бою обкатаем, и можем избежать потерь, нанеся при этом противнику огромный урон.

Но не надо считать врагов тупицами, которые только и делают, что нам подыгрывают. Они заявили сюда ради резни стрелков, и вряд ли забудут про свою задачу. Я бы на их месте при таком варианте разделил войско: часть оставил гоняться за дружиной, а часть послал вслед за арбалетчиками. Или даже просто проигнорировал невеликий конный отряд.

Да, мы бы себя игнорировать не позволили, но ведь заранее они это знать не могут.

Насчёт своих арбалетчиков я не обольщался. Даже первые, самые боеспособные тысячи полноценными бойцами ни один оптимист не назовёт, а эти новобранцы и того хуже. Несколько сотен никчемных конных ополченцев Тхата запросто вырежут их почти всех, если застанут отряд на марше.

А почему не всех?

Да потому что те по всей степи разбегутся, побросав гро-

моздкое оружие, и до темноты каждого догнать южане попросту не успеют.

Нет, я не мог так рисковать, и потому пришлось выбирать второй вариант — отправить стрелков не бежать без оглядки, а воевать. Естественно, это очень рискованно, и даже при самом благоприятном развитии событий они понесут немалые потери. Но большая часть выживет или меньшая — уже не так важно. Куда важнее то, что многие уцелеют, сохранив при этом боеспособность и получив полезный опыт.

У меня появятся обстрелянные арбалетчики.

Жестокая учёба, но война вообще жестокое дело, и то, что я делаю, окружающих частенько удивляет. В лучшем случае считают, что я до странности гуманен с простолюдинами, в худшем шепчутся о моей мягкотелости, сетуя, что такому полководцу победоносная судьба не светит.

Победы любят безжалостных.

Устраивать бой прямо здесь — это совсем уж в глупости расписаться. Местность абсолютно ровная — ни оврагов, ни холмов, едва выдающиеся пригорки не в счёт. Выставлять «никаких» арбалетчиков в чистом поле — самый лучший подарок для врага.

А я им не Санта Клаус, чтобы подарки раздавать, да и Рождество тут не празднуют, ввиду отсутствия необходимой религии.

Единственная позиция, с которой нас не сметут сходу — та самая деревня с неблагозвучным названием. Жители её

покинули несколько дней назад, так что под удар мы никого не подставим. Сотня с лишним саманных домишек; лабиринт загонов, ограждённых низкими стенами из скреплённых глиной камней или того же самана; огороды вдоль окраин прикрыты от скотины заборами из переплетённых веток и стеблей тростника; кое-где на них зеленеют фруктовые деревья. Селились муравьицы местами с размахом, так что площадь немалую захватили, и по степной традиции, приняли кое-какие меры для удобства обороны от хищников и разбойников. Например, полноценный выезд оставили лишь один, оттуда начинается дорога, заворачивающая на северо-запад, где огибает тот самый почти высохший пруд, что стал причиной не понравившегося мне названия. Также есть несколько проулков, на которых еле-еле два конника разъедутся, перекрыть их несложно.

Крепость из этой деревни за час не сделаешь, но можно сделать неплохо укреплённую позицию.

Самое сложное — донести свои стратегические замыслы до офицеров и сержантов так, чтобы они всё быстро уяснили и ничего потом не перепутали. Кадровый голод у нас чудовищный, командиры среднего и нижнего звеньев в массе малограмотные и неопытные, соображают так себе. За оставшееся время вбить в них даже самое элементарное понимание проблематично. Поэтому пришлось лично метаться по всей деревне, контролируя расстановку отрядов.

Колья, что так тщательно вбивали на учебной позиции,

все до единого вытащили и установили заново. Уже не учёбы ради, а там, где они требовались для намечающегося боя. Та же судьба постигла рогатки и «ежи». Загородили все узкие проходы наглухо, открытый интервал лишь вдоль дороги остался. Очень уж там широкий промежуток зияет, где нет ни стен, ни домов, надёжно перегородить с нашими возможностями нереально, а что-то мудрить — времени нет.

Тут я всё же помудрил — почти святотатство устроил. Поиздевался над местными монетами, где по мудавийской традиции чеканились профили Первых друзей народа. По этой причине настоятельно не рекомендовалось сидеть на деньгах немытыми задами или, тем более, попирать их грязными ногами. За такое глумление над ликами великих людей можно запросто прогуляться по нехорошему коридору.

Но ввиду революционных событий жуткая деятельность коридорных дел мастеров приостановлена.

Да и выбора у меня сейчас не было.

Монеты — металл. В том числе драгоценный. На монетном дворе Мудавии его, естественно, активно воруют, и потому проба оставляла желать лучшего. Однако даже такое вот безбожно разбавленное золото и серебро рунному мастеру пригодится. Эти блестящие кружочки способны становиться основами для нанесения простейших последовательностей и хотя бы недолгого удержания чар.

Помните те бронзовые пластины, что попадались мне одно время в Запретной пустыне? Я их тогда с минами срав-

нивал. Закопанные под дёрн, они ничем не выдавали своё присутствие, пока на них не наступишь. А дальше их копеечный кварцевый накопитель разряжается в одно мгновение, и вся энергия узким лучом выплёскивается вертикально вверх с такой силой, что даже хорошо защищённого альфу может озадачить до смерти.

Местный монетный металл, конечно, никуда не годится, он слишком грязный и не подготовлен предварительно. Также под рукой нет полноценных кристаллических накопителей, способных годами удерживать энергию. Как временное решение — использование камней из местных оград. В основном это песчаник состоящий из полевого шпата и того же кварца. Если первый, как правило, бесполезен, второй способен удерживать энергию. Но учитывая низкое качество, раздробленность материала и мои невысокие навыки, можно рассчитывать максимум на три часа.

Что для текущей задачи — приемлемо.

Поэтому, контролируя подготовку позиций, я непрерывно звенел монетами и выламывал из оград камень за камнем, устраивая эдакие «сэндвичи». Полученные примитивные мины спешно заливал энергией, после чего особенно тщательно следил за парой смыслённых солдат, которые закапывали их на повороте старой военной дороги в полукилометре от селения.

Было бы лучше расположить их на въезде, как изначально намеревался. Там ведь самое слабое место нашей обороны.

Однако я не обольщался по поводу интеллекта и дисциплинированности своих солдат и потому обоснованно опасался, что они ещё до появления врага начнут подрываться на своих же ловушках.

Не тот у нас контингент, чтобы стремиться к идеальному оборудованию рубежей.

Спустя час, ценой охрипших глоток офицеров и сержантов мы, наконец, замерли в ожидании. Неказистые плоские крыши укреплены подпорками изнутри и облеплены перепуганными новобранцами, также арбалетчики расположились за низкой, всего-то по грудь, стеной, что ограждала селение почти по всему периметру. Проходы в ней перекрыты баррикадами, перед ними вбиты всё те же колья и расставлены рогатки. Сходу нас здесь вряд ли смести получится, а вот если в обход пойдут, где оборона пожиже, всякое может случиться.

По моему замыслу как раз в обход и должны направиться, но только после того, как уткнутся на юге в плотную оборону. Пробиваться под обстрелом тяжёлых арбалетов южанам вряд ли понравится, устаивать перестрелку особо нечем. Так-то конные ополченцы часто таскают запасы дротиков, а у некоторых есть луки, из которых они могут работать с седла. Но это оружие у них не получило массовое распространение, скорее удел отдельных энтузиастов. Наши две тысячи стрелков ответят им на порядки мощнее даже обычными болтами.

Увы — артефактно-рунных боеприпасов у нас нет. Ну не

догадался я в обозе их запас возить, не думал, не предполагал, что в ничем не примечательном учебном походе придётся повоевать всерьёз. Следовательно, наша дистанция — сто метров. Так-то и обычный болт можно гораздо дальше отправить, но рамочные прицелы на них не рассчитаны, а пытаться ввести новые поправки и некогда, и рискованно. Запутая неграмотных сержантов окончательно.

Пять минут. Десять. Пятнадцать. Полчаса.

Я начал волноваться, ведь врага всё нет и нет. С такими проволочками мины скоро начнут разряжаться, устраивая вдоль дороги безобидные пыльные гейзеры. Не то, чтобы я на них сильно рассчитывал, но хотелось бы нанести агрессорам хоть какой-то урон ещё до того, когда самые быстрые всадники подберутся к селению.

К сожалению, разведчиков с птицами в данный момент при мне нет. Слишком это ценные и всюду нужные кадры, все до единого задействованы на юге, в ключевых дозорах. Тот, который прикрывал сегодня учения, получил дозволение отступить, и сейчас где-то по степи движется вдоль дороги. Их птица может и сейчас следит за врагом, вот только связи больше нет. Так что, увы, заглянуть за горизонт сейчас не получится.

Вдали показалось пыльное облачко. Как раз над дорогой поднимается. Пригорок в паре километров мешает разглядеть причину его появления, так что это могут быть не враги, а, например, убегающие после разгрома солдаты Пробра.

Хорошие кони в его войсках редкость, но всё же есть, кто-то мог уйти верхом.

Но нет, из-за пригорка вывалила сплошная масса всадников разномастно одетых и также неоднородно вооружённых. Стеганные халаты, иногда войлочные и кожаные кирасы, очень редко многократно чиненные дедовские кольчуги. Единицы могут похвастать металлическими шлемами, все прочие прикрывают головы разнообразными шапками или даже тюрбанами, по традиции укреплёнными прядями конского волоса.

Конное ополчение Тхата. Насмотрелся я на них до тошноты.

Хотя их от моего вида должно тошнить гораздо сильнее.

Многих по вине неугомонного десницы недосчитались.

— Камай, я сейчас вернусь.

— Но господин...

— Вернусь! — с нажимом повторил я.

Коню указания не требовались. Сорвавшись с места, начал, казалось бы, плавно разгоняться, и вот я уже почти лечу. А ведь и трёх секунд не прошло со старта. Жужжащий жук, неспешно направлявшийся по своим делам, врезался в шлем с такой силой, что едва Игнорирование не сработало.

— Снег, не торопись. Правее держись. Надо мимо тех раскопок на дороге проскочить, где солдаты камни зарывали. Только ни в коем случае к самым раскопкам не приближайся.

Следы установки рунных мин бойцы замаскировали,

пройдясь по земле травяными метёлками и прикрыв подзрительные места сухими коровьими лепёшками, но при желании разглядеть их можно. Да и конь при тех работах присутствовал, должен помнить. Вон как уверенно начал вправо забирать.

Удивительный окт.

Враги меня заметили, руками указывают, лопочут что-то. Вперёд начали выезжать всадники с луками, но пришпоривать лошадей не торопятся, ждут, что дальше будет.

— Стоп! — скомандовал я и тоже вытащил лук.

До первых противников метров триста осталось, дистанция для меня посильная, и оружие для неё подходящее. А вот у южан и навыков моих нет, и луки простенькие. Это ведь не самые элитные войска, здесь сплошная «нежная зелень». Сколько уже с ними воюю, но никогда среди лёгкой конницы даже бледную «желтизну» не встречал. Такие бойцы в ополчение лишь случайно могут затесаться, из других родов войск, когда в суматохе боя отряды перемешиваются. Ну или если их для усиления заранее отправят.

Но здесь не тот случай. Южане разглядели окта, оценили мой наряд и поняли, что перед ними парень непростой. Подставляться под такого никому неохота, вот и скромно переминаются в отдалении, дожидаясь подхода основных сил.

Знаю эту их манеру.

Далеко не первый раз наблюдаю.

Хлопок тетивы, росчерк стрелы, и счёт битвы открыт, —

первый враг падает с лошади, хватаясь за пронзённую грудь. Со стороны ополченцев слышится дружный рокот, кто-то пытается ответить, но его убогий лук физически не может бить на такую дистанцию.

Я вновь тянусь к колчану.

Выстрел.

Вторая жертва.

Крики усилились. Оглядываясь друг на друга, первые самые смелые конники принялись настёгивать лошадок.

Сняв одного из храбрецов, я скомандовал:

— Снег, давай влево и чуть назад. Сразу за раскопками надо проскакать, чтобы они в ту сторону толпой помчались за нами.

Не отвлекаясь на управление конём, я принялся стрелять снова и снова. Окт двигался так плавно, будто у него самая качественная пневматическая подвеска, благодаря этому я бил почти без промахов.

Враги мчались следом, яростно ругаясь. Те, у кого быстрые кони, вырывались вперёд, и авангард начал вытягиваться клином.

Я не успел и трети колчана израсходовать, как острие этого клина налетело на первые «мины».

Вспышка.

Крик.

Вспышка.

Вопль.

Сразу две вспышки и много воплей. Испуганно орут уже не только пострадавшие, а все, кто видят, как разлетается фонтанчиками сухая земля, выпуская на миг слабо светящийся луч, который режет всё, что под него попадает.

А попадали под него лошади и люди. Брызги крови, разлетающиеся конечности, голова, покотившаяся будто мяч, на чисто срезанный конский хвост.

Потери, как я и предполагал, невеликие, однако обидные и страшные из-за неожиданности и непонятности. Здесь не тот театр военных действий, чтобы ожидать действий боевых артефакторов, вот и шокировало многих. Кто-то на происходящее лишь разозлился, но большая часть преследователей поумерила пыл.

Теперь они напуганы и ждут ещё какого-нибудь подвоха. Вон, прекрасно видно, что некоторые начали резко отставать, хотя перед этим сильно торопились.

И, самое главное, всё происходящее прекрасно видят наши арбалетчики. Я заметил, какими перепуганными глазами они таращились на дорогу в ожидании появления страшных южан. Понимал, что жалкой кучке офицеров и малоопытным сержантам управиться с парой тысяч робеющих новобранцев будет непросто.

Только что эти новобранцы увидели кровь. Кровь врагов. И при этом ни капли своей не пролили. Это не может не сказаться на их боевом духе.

Скажется непременно.

Положительно.

Вон как закричали радостно. Громче и громче. Кулаками размахивают, скалятся во все зубы.

Их радость надолго не затянется, но и пяти минут воодушевления для поставленной задачи более чем достаточно.

Потому что южане ударят по ним через три.

Глава 4 Козий пруд

Глава 4

Козий пруд

Окт и при иных раскладах обгонял таких преследователей, как стоячих, а сейчас, когда те резко разочаровались в погоне, и вовсе вальняжными зигзагами от них уходил, давая мне возможность отстреливаться с комфортом, когда каждый раз бьёшь строго влево.

Я так долго могу эти конные недоразумения унижать. В теории мне даже в одиночку ничто не мешает разгромить всю толпу. Да, это займёт прорву времени и местность не всякая подойдёт, но потяну. Выносливость у окта запредельная, моя тоже не подкачает, враги куда быстрее выдохнутся.

И закончатся.

Стрел на такие игрища может и не хватит, но ведь есть ещё и магия.

Однако это война, а на войне излишне самоуверенные долго не живут. Сообщат кому надо о дерзком альфе по тем самым «костяным телефонам», которым близость Запретной пустыни нипочём, и вот уже где-нибудь впереди дожидается засада. Три-четыре «красных» воина и мага, дюжина «ярко-жёлтых» бойцов группы поддержки, свежие лошади и бодрящее чувство превосходства над заигравшимся против-

ником.

Нет, в одиночку против армии мне выходить нельзя.

Пока что.

Промчавшись вдоль изгороди, за которой начинались огороды, я свернул вправо и остановил окта у единственной дороги, что входила в селение. Здесь за рогатками и «ежами» выстроились все четыре сотни Кошшока — тяжёлые пехотинцы экспедиционного корпуса.

Хотя по факту я бы их средними обозвал, но тут такой род войск выделять не принято. Стальные кирасы меньше чем у половины, остальные защищаются кольчугами да всевозможными пластинчатыми доспехами, обычно далеко не самыми качественными. Единообразия нет, снарядили тем, что успели собрать.

Есть у нас и потяжелее отряды, экипированные лучшими трофеями, взятыми у Козьей скалы. Растворения Жизни качественный металл почти не трогали, так что мастерам осталось восстановить кожаные и матерчатые детали. Но столь загруженные солдаты быстрый пеший марш по дневной степи не потянут, вот и пришлось выбирать варианты попроще.

Сейчас это обстоятельство играет против нас. Не будь рогаток и кольев, тяжёлая конница легко сметёт такой строй. Однако она пока что не показалась, видимо отстала, и это прекрасно.

Ополченцев Кошшок удержит. Ненадолго, но удержит.
А надолго и не требуется.

Тем временем лёгкая конница потеряла ко мне интерес. Враги хорошенько разглядели позиции арбалетчиков и сочли их более приоритетной целью. Наверняка им командиры успели объяснить, что десница полностью рехнулся и всяких бродяг в войско тысячами набирает, вооружая неумёх чёрт знает чем. Ополченцы сами не относятся к армейской элите, и им приходится по вкусу противник, который во всём уступает.

Этот род войск в обычное время гоняют на разведку, да в дозоры, табуны стеречь, также они хороши, если нужно покарать мирное селение. Ну а в битве они никогда не атакуют строй лоб в лоб, или обходят и мчатся к обозам, или ждут, когда противника погонят приличные части. Ну а там мчатся следом и бьют в спину.

От возможности устроить безнаказанную резню никогда не отказываются.

Стук, ещё стук и дальше пошёл сплошной гул разряжаемых тяжелых арбалетов.

Я поморщился.

Втолковывал офицерам, втолковывал, а что толку? Получился нестройный залп в тот момент, когда первые, самые нетерпеливые всадники добрались до огородов. А я ведь чётко и ясно говорил, что надо ждать, когда южане там всей оравой окажутся.

Эх...

Но даже такой залп в «молоко» ушёл не весь. Десятки ло-

шадей и всадников рухнули замертво, тяжеленные болты если попадали, то в большинстве случаев валили наглухо или наносили тяжелейшие ранения. Даже без артефактов и рун на такой дистанции они играючи прошибали несерьёзную защиту ополченцев.

Скакать по грядкам под обстрелом никому не захочется. К тому же видно, что до стены не так просто добраться. Там и колья, и «ежи» с рогатками, и баррикады из всякого хлама навалены.

И вражеские конники принялись заворачивать влево, в мою сторону.

Предсказуемо. Это не первое встреченное южанами местное селение, они знают, как у мудавийцев они устроены. Дорога просматривается, нетрудно предположить, что где-то здесь среди домов зияет приличный промежуток, не перекрытый стенами.

— Снег, давай туда, чуть дальше. Не будем мешать глупым мышкам тянуться к сыру.

Конь недоумённо проржал. Видимо не понял последние слова.

Надо когда-нибудь рассказать ему про мышеловки.

Прятаться тут негде и южане видели меня прекрасно. Десятка два отделились от общей массы, настороженно направились в мою сторону. У каждого щит, обычный, не магический, что для ополчения зрелище нередкое, но и не сказать, что повсеместное. Уяснили, что с луком я страшен, сдела-

ли правильные выводы, выставили бойцов, готовых противостать такому опасному стрелку.

Наивные. Даже отсюда видно, что щиты сколочены из простых досок, там и сям укрепленных толстой кожей. Если не считать гвоздей и крепов, металла нет, следовательно, за две сотни шагов самые обычные стрелы будут их легко прошивать, дотягиваясь наконечниками до владельцев.

Я взялся за лук. Не то, чтобы эти щитоносцы сильно меня напрягали, но надо держать противников в тонусе. И, отстреливая их одного за другим, я не забывал приглядывать за основной массой.

Лёгкие всадники добрались до въезда в селение и там притормозили. Их смутили ровные шеренги солдат Кошшока. Линия щитов, ряды копий, и рогатки с «ежами» перед строем пехоты: выглядит основательно. Так-то солдат немного, но интервал они перекрывают полностью, чтобы их обойти, придётся забираться в лабиринт саманных строений и низких стен. А там тоже хватает преград, и на крышах не протолкнутся от арбалетчиков. Те пока не стреляют, но перезаряжаются активно, а на что способны тяжёлые болты, южане уже знают.

Вот и растерялись, не понимая, как дальше поступать. Окажись путь открытым, они бы и без команды в селение ворвались, но вот так, переть через копья и рогатки... Не для лёгкой конницы такая опасная работа, не отработаны у них прорывы через крепкий строй. Требовались приказы, и офи-

церы уже суетились, к чему-то готова скапливающихся ополченцев.

Пора.

Убрав лук в Скрытое вместилище, я помчался на тех щитосцев, до которых не успели добраться мои стрелы.

Те, наверное, решили, что у меня колчан опустел. Обрадовались, заорали, заулюлюкали, ринулись навстречу, опуская копья. Мой простой солдатский плащ и шлем без ярких украшений ввели их в заблуждение. Простофили решили, что перед ними офицер невысокого ранга.

То есть хоть и приличный омега или даже слабый альфа, но всё же посильная цель даже для таких «горе-воинов».

И я их одного за другим начал огорчать. В несколько секунд посшибал низовой магией, работая почти в упор. Амулеты у ополченцев встречаются редко, а навыков начальных у меня достаточно, чтобы не устраивать затяжные перерывы при откатах.

За несколько секунд покончив с преследователями, вскинул жезл и начал готовить Гнев громовых небес. Понятливый окт принялся заворачивать вправо с таким расчётом, чтобы промчаться мимо столпотворения врагов на правильной дистанции.

— Молодец Снег, так и держи, — тихо похвалил я, опасаясь громким голосом помешать концентрации.

Мой рывок был настолько неожиданным и быстрым, что основная масса ополченцев пока что не обращала на меня

внимания. К этому моменту обладатели луков и дротиков успели протиснуться в первые ряды и вовсю отстреливали арбалетчиков. Те ведь с «тряпочными кирасами» и без щитов, а крыши саманных развалюх лишены даже намёков на бортики. То есть абсолютно беззащитные цели оказались ничем не прикрыты.

Идеальный расклад.

Многие стрелки вместо того, чтобы быстрее крутить ворота механизмов перезарядки, один за другим бросали оружие и прыгали вниз, после чего разбегались. Но и на позициях оставалось немало. Вот один закончил возню, снова вскинул огромный арбалет, уложил на притащенную из ближайшего дома лавку и выпустил тяжеленный болт в толпу, вот другой его поддержал. Игнорируя крики офицеров, поодиночке, а не залпами, даже не пытаясь целиться, но всё же огрызаются.

И обгрызаются больно. До конницы ещё чуть-чуть, и рукой можно будет дотянуться, и стоят всадники кучно. По такой мишени даже такие стрелки промахиваются нечасто.

Да, от некоторых новобранцев будет толк. Да и в целом такой формат отрядов уже показал себя не полной бессмыслицей.

Позиция не такая уж прекрасная, преимущества в численности нет, и раз при таких раскладах их сходу не разогнали, они чего-то стоят.

Один из опоздавших вражеских лучников обернулся на меня, торопливо потянулся к колчану. Ударив куда-то ему

за спину Гневом небес, я и про него не забыл, прикончил одиночной Каменной пулей.

И тут же ещё один Гнев грозowych небес выпустил.

Спасибо апгрейду, что позволяет проделывать этот фокус. Жаль, откат «дуплета» долгий.

Молнии накрыли всё пространство перед въездом в селение. А там, между прочим, сотни и сотни врагов столпились. Далеко не все попали под удары, но уцелевшим мгновенно разонравилось отстреливать «мягких» новобранцев. Дружно развернулись ко мне, заорали на все лады со страхом и злобой, догадавшись, что игнорировали не воина зарвавшегося, а опаснейшего универсала. И, не обращая внимания на прилетающие в спины болты, без команды ринулись на меня.

Ведь перед ними маг, а в этом мире всякому вояке известно — стихийников полагается выбивать первыми, некромантов вторыми, а уж затем можно резать всех остальных. Хотя насчёт некоторых тёмных кудесников можно и поспорить, в целом приоритеты расставлены правильно.

— Снег, вдоль дороги бегом, но не отрывайся от них. Пусть думают, что у них есть шанс.

На управление октом можно не отвлекаться, и пользуясь этим, я развернулся в седле, снова вскидывая жезл. Два Огненных шара, россыпи Искр, Пуль и прочих разогнанных апгрейдами навыков обрушились на преследователей. Лёгкая конница набирается не из самых зажиточных граждан, амулеты у солдат встречаются редко, а те, что встречаются,

обычно бесполезны против серьёзных волшебников.

А я очень даже серьёзный.

Промаяхнуться невозможно, за мной несётся сплошная стена из людей и коней. Счётчик трупов, остановившийся было после второго Гнева небес, снова закрутился. Крики ярости нарастали, но меня простыми звуками не пронять, а стрелы из неказистых луков летели мимо, потому что Нестабильный щит Хаоса я повесить не забыл, да и стрелять вперёд с седла не так-то просто, что плохо сказывается на точности.

Уничтожая одного врага за другим, я удалялся от селения с той же скоростью, что и они. Догнать меня не могут, но и сам не отрываюсь.

То, что надо.

Я бы так долго мог их водить за собой, но, увы, времени нет. Неизвестно, где находятся шесть сотен тяжёлой конницы, так что с ополчением надо разобраться как можно скорее, чтобы потом без лишнего беспокойства прояснить вопрос с пропавшим отрядом.

И, продолжая увлекать разъярённое войско за собой, я вскинул вверх левую руку, после чего резко её опустил. Повторил жест ещё дважды, и вновь взялся за старое, пустив в противника перезарядившуюся россыпь Искр.

Оставляя за собой вражеские тела и лошадиные туши, я всё дальше и дальше уходил от селения по единственной дороге. И когда она начала взбираться на пригорок, с высо-

ты разглядел, как к южанам сзади приближается густая цепь тёмных всадников.

Уж не знаю почему, но Камай предпочитал обеспечивать дружинников вороными конями. И виной тому явно не подражание главе клана — Снег появился у меня уже после того, как идзумо приобрёл такую привычку. Учитывая, что в доспехах и одежде бойцов тоже преобладают чернильные тона, вид у моих шудр получился весьма мрачный.

Отстающие южане принялись размахивать руками, что-то выкрикивать. Заметили новую угрозу.

Поздно.

Сильные руки вскинули тугие луки, созданные имперскими мастерами из лучших материалов, и по арьергарду вражеской конницы будто коса прошла. Оружие у моих шудр хоть и дорого зачарованное, но не такое мощное, как у арбалетчиков, кирасу за полкилометра в редких случаях прошивает. Зато бьют они точно в цель, а не куда-то там по степи. Первым же залпом поразили под сотню противников, спустя считанные секунды столько же пострадали от второго.

Не только метко работают, а и быстро.

Южане чересчур увлеклись преследованием одинокого мага и поздно заметили новую опасность. Пока отреагировали, пока развернулись, несколько сотен бойцов потеряли убитыми и ранеными, отчего отставшие всадники запаниковали. К этому моменту мои ребята остановились на оптимальной дистанции и расстреливали мечущихся перед ними

ополченцев, как мишени в тире.

На последних секундах работы щита Хаоса я, развернувшись, промчался мимо строя растерявшихся врагов и выпустил два Гнева небес почти без паузы, после чего ещё и парочку огненных шаров добавил по ближайшим, что пытались за мной увязаться. Под магический удар попало не так много всадников, как в первый раз, но сейчас обстановка уже не та, на психику действовало куда сильнее. Левый фланг дрогнул, ополченцы поодиночке и кучками принялись разворачиваться и, нахлестывая лошадей, мчались прочь.

И это выглядело странно, ведь от магии пострадали не они, а те, что справа.

Впрочем, с той стороны тоже страдать приходится. Камай, отреагировав на бегство части противников, приказал сосредоточить огонь на тех, которые держались достойно, пытаюсь перестроиться для атаки. Учитывая то, что один залп дружины ссаживал с коней не меньше, чем одно использование Грома грозовых небес, неудивительно, что и этот фланг начал разбегаться.

Но за происходящим там я лишь краем глаза наблюдал. У меня вдруг новые заботы появились. Напоследок сразу два вражеских офицера решили всё-таки покарать дерзкого мага. Собрали под сотню бойцов, и таким составом помчались на меня.

Я к этому моменту почти остановился, торопливо раздавая магию направо и налево. Но окт не выдохся, могу без

проблем ускориться и оторваться от команды мстителей.

Вот только зачем? Сейчас среди паники и разброда самое время оценить, как на толпу действует странное приобретение, притащенное из Запретной пустыни. Вряд ли кто-то разглядит во всех подробностях и затем доложит начальству. В такой обстановке не до наблюдательности, люди сейчас лишь о спасении шкур думают.

Кроме отряда, что ко мне направляется.

А вот его желательно полностью уничтожить. Если где-то вдруг окажутся нежелательные свидетели, то в первую очередь их стоит поискать среди его бойцов.

Так-то бесконечно скрывать свои секреты я не рассчитываю, но и торопиться их выдавать не вижу смысла.

Глупо в преддверии большой битвы показывать всё, на что способен.

Лезвия заранее «запрограммированы» на разные случаи, остаётся лишь выбирать те, что подходят к моменту. Перед лицом вспыхнули россыпи искр, и, тут же слившись в отражающую солнечный свет плоскость, помчались к врагам по кратчайшей прямой. Целью я выбрал одного из двух офицеров, самого крикливого. В первые ряды он не рвался, держался ближе к середине строя, и «трапеция», ринувшись к нему, по пути зацепила пару всадников авангарда. Одного рассекло на две части, и те покатались по земле вместе с частично обезглавленным конём, второй отделался потерей руки, которой неосторожно взмахнул в неудачный для него

момент.

Но это оказалось лишь началом.

Офицер будто шестым чувством обладал. Очень уж вовремя вильнул в сторону. Лезвие промчалось мимо и принялось останавливаться. При этом пострадал ещё один ополченец, по глупости вставший на его пути. Безрассудный воин попытался разделаться с непонятной штукой ударом палицы.

«Трапедия» остановилась, после чего, как это принято у этих штуковин, «выстрелила», рванув на цель с такой скоростью, что даже мои тренированные и прокачанные глаза уследить не смогли. Миг, и тело офицера разделяется на две части, а скакавший слева от него воин с криком выгибается, пытаясь дотянуться до рассечённой спины.

И понеслось.

Остановка Лезвия. Рывок к ближайшей цели, торможение и снова остановка.

И снова рывок.

На каждом цикле оно перемещалось на пару десятков метров, поражая при этом не только намеченную жертву, а и тех, кто оказывались за ней.

Я при этом тоже без дела не стоял, отрабатывал всем, что есть по самым приткым противникам. А так как этого «все-го» у меня хватает, а враги против магии не защищены, мы вместе с Лезвием успешно сдерживали всю толпу.

Накаркал — одиночная Каменная пуля, отправленная во

второго офицера, отразилась о невидимую преграду сработавшего амулета и, срикошетив, снесла половину лица неудачно подвергнувшегося рядового. Добив последнего командира Огненной искрой, я понял, что пора хвататься за лук. Оставшиеся в живых прыснули в разные стороны, я резко перестал их интересоваться, а так как радиус действия магии, в основном, небольшой, в таких случаях приходится вспоминать про традиционное оружие.

Свидетели мне не нужны, так что чуть ли не в пулемёт лук превратил, стараясь выбить всех, у кого была возможность хорошенько разглядеть Лезвие.

Ещё недавно я и половины нынешнего темпа с луком не показывал. Да, в моих руках он становился грозным оружием, но без каких-либо удивительных сюрпризов.

Изменения произошли после битвы у Козьей скалы, когда мне досталось столько обычных трофеев, что не будь у меня гипертрофированного Скрытого вместилища, там бы и остался.

Разорванным ртом при таких потоках добра не отделаешься. Хотя Растворения жизни, по моим наблюдениям, прилично снижали количество трофеев, их после столь массированного удара оказалось чудовищно много. Причём ПОРЯДОК присудил их именно мне, а не расчёту катапульты.

Всем известно, что военачальник, даже не вступая в битву лично, может получить очень неплохую добычу с врагов, погибших от рук его солдат. Здесь, похоже, эта особенность

ПОРЯДКА тоже сработала. Или сыграло то, что простые инженеры втёмную отработали, не догадываясь о последствиях; или повлияло то, что Растворения жизни им я предоставил, своими руками подготовив необычный снаряд.

Так или иначе, трофеев вышло не просто много, а какое-то безумное количество. Их ведь из людей сыплется куда больше, чем из монстров, а врагов тогда полегло много и от Растворений, и от моей магии. В основном ничего особенного не досталось, но встречались любопытные приобретения. Из таких я выбрал пару навыков для лучника и прилично их приподнял. Благо, Баланс они сильно не грузили.

Благодаря этим приобретениям последнего, самого притякого беглеца застал почти за полкилометра. Хорошая у него лошадь, далеко учесал, но стрела, усиленная навыком с частичным самонаведением, догнала.

Ещё за несколькими пришлось побегать, они удачно в другую сторону сразу направились, оторвавшись от большинства. Спасибо окту, его скорость такова, что обычных всадников догонял, будто стоячих.

Разобравшись с вероятными свидетелями, направился на встречу Камаю. Тот должно быть удивился тому, что я не за массами гоняюсь, а за одиночками. Его бойцы ведь именно этим занимаются, что, безусловно, правильно.

Если не вдаваться в тонкости.

Идзумо издали начал махать рукой и показывать назад:
— Господин! В селении что-то происходит!

Привстав на стременах, я посмотрел в сторону Козьего пруда. Да, там действительно какая-то непонятная активность наблюдается. Куда ни глянь, видно разбегающихся новобранцев. Побросав оружие, они мчатся в степь без оглядки.

Так-то я ещё в начале схватки видел, как многие спрыгивали с крыш. Но далеко они не убегали, в ужасе прятались в домах и сараях, никто не рвался на открытую местность.

Так что же изменилось?..

Похоже, я знаю ответ. Слишком уж он очевиден.

— Камай! Наверное, тяжёлая конница нашлась. По селению ударили. Видимо с другой стороны, отсюда не видно.

— Да, мой господин. Вон, сигнальщик флажками машет. Простите, только сейчас заметил.

— Оставь в покое этих недобитков, больше они не полезут. Собирай всех, мы возвращаемся.

Если верить донесению разведки, в отряде тяжёлой конницы шесть сотен всадников. Для Тхата это элитный род войск, при таком количестве у них запросто могут оказаться маги в усилении, или хорошие стрелки, способные работать с седла не сильно хуже моих шудр. И по количеству они превосходят нас в три раза.

Но ни я, ни Камай ничутью не колебались. Мы знали возможности наших людей, и у нас был опыт неоднократных стычек с тяжёлой конницей.

Мы их победим.

И это будет несложно.

* * *

И полчаса не прошло, как мы снова мчались по степи, но уже преследуя недобитых конников. Отряд, выделенный ополчению для усиления, оказался непростым. У Тхата с однородностью родов войск всё плохо, что неудивительно, ведь армия сборная, три королевства силы объединили. И если все лёгкие всадники одинаково никчемны и скверно вооружены, про серьёзные подразделения такое не скажешь.

Так что тяжёлая конница у них бывает разная. Где-то она от лёгкой почти не отличается: лошади получше; кольчуги или дешёвые разновидности пластинчатых доспехов у каждого; копья качественные, мечи, сабли и даже палицы стальные, а не какие попало.

А где-то отличается очень сильно.

Вот эти как раз из таких. Большая часть в тяжелых латах, кони крупные, ширококостные, у многих защищены попонами кольчужными. Потому и отстали, подтянувшись к селению в тот момент, когда мои шудры гоняли вдали разбегающихся ополченцев.

Вмешиваться в наши дела южные «катафракты» сходу не стали. Зачем, если прекрасная добыча вот она — руку протяни. Игнорируя суматошный арбалетный обстрел, прошли через огороды, снесли рогатки и принялись копьями ссаживать стрелков с крыш.

Кошшок развернул свои четыре сотни, но отправлять их в глубины застройки не решился. Там, в лабиринте домов и стен, строй удерживать невозможно, а разбивать отряд на мелкие группы чревато полной потерей управления. Да и уступают его солдаты противнику, как бойцы, и без численного преимущества и правильного построения лишь полягут зря. Поэтому рэг остался держать оборону на краю центральной площади, прикрывая большую часть арбалетчиков.

Ему оставалось надеяться лишь на наше быстрое возвращение, потому что хоть строем, хоть толпой наша пехота против такого отряда не выстоит.

На короткой дистанции против наших луков броня врагов не играла. Устроив хоровод вокруг селения, мы стремительно снижали количество противников, в первую очередь стараясь выбивать офицеров. И тут уже южане начали страдать из-за своей раздробленности. Увлечлись резнёй, разбились на кучки, разбрелись по окраине, путаясь в лабиринтах стен. Все их попытки собраться в ударный кулак мы пресекали, выбивая тех командиров, которые больше всех старались что-то сделать.

В общем, под столь убойным обстрелом элитная конница вскоре дрогнула и принялась разбегаться с той же прытью, что и лёгкая. Лишь один отряд сумел организовать и попытаться атаковать, но мои шудры прыснули от него в разные стороны, не переставая осыпая бронебойными стрелами, и быстро выкосили смельчаков всех до единого.

Оставшихся южан мы гоняли до вечерних сумерек, растратив при этом все стрелы. Увы, я совершил ошибку, ослабился, не подумал, что можно попасть в сражение почти под стенами столицы, о запасе боеприпасов не позаботился. Лишь болтов оставалось много, мало кто из новобранцев носимый боезапас успел расстрелять. Но для луков эти подоби́я укороченных дротиков не подходили, так что назад нам пришлось отправиться почти с пустыми колчанами.

Почти — потому что часть стрел вернули, вырезав их из вражеских тел.

Учитывая количество войск с обеих сторон, можно считать, что я выиграл ещё одну битву.

Битву у Козьего пруда.

Вот же Хаос!..

Глава 5 Военный совет

Глава 5

Военный совет

Я указал на весьма приблизительную карту Мудавии, размещённую на стене:

— Если бы они продолжили марш в том же темпе, то оказались бы под стенами города максимум через четыре часа.

Пробр, несмотря на то, что исполнял обязанности главы страны, продолжал скромно величать себя главным советником.

У них там с передачей власти всё не просто сложно, а вообще непонятно, вот и не нарывается.

На мои слова «скромняга» отмахнулся:

— Возле столицы располагаются лагеря корпуса и наёмников, наши укрепления хорошо охраняются, в городских казармах почти полторы тысячи солдат, в посаде на западе ещё около тысячи. Господин Гедар, в город они бы никак не попали.

— Простите, господин советник, — вкрадчиво отозвался Аммо Раллес. — А зачем им вообще попадать в город? Я полагаю, им и возле него есть чем заняться, или в посаде. Например, ваш лагерь на западе такой отряд способен уничтожить быстро и без серьёзных потерь. Уж извините, но вы

сами прекрасно знаете, как оно бывает с вашими солдатами при столь неприятных раскладах сил. Также они могли устроить знатную резню мирных жителей. Вспомните, что творится под стенами. Вокруг города огромное количество незащищённых лагерей беженцев, да и посад кочевниками забит полностью. Да, потери среди них нашу армию не ослабят, но не забывайте, это ведь не только граждане, которых, так-то, мы обязались защищать, а и потенциальные новобранцы. Да и представьте панику, которая может подняться при таком нападении. Потеря веры в армию при существующей угрозе это катастрофа. От таких новостей побегут даже мастера, что загружены военными заказами, и это станет колоссальным ударом по нашему снабжению.

— И насчёт ворот не обманывайте себя, — добавил я. — Что ваша охрана, что корпусная, одинаково плохо службу несут. Я распорядился усилить их отдельными надёжными отрядами, но даже так шанс захвата ворот не нулевой. Нам надо больше дозоров на подступах к городу держать. Причём и на ближних и на дальних подступах. И днём и ночью следить за каждой тропой, иначе хлебнём горя.

— Пока что хлебнули они, — самодовольно заявил Пробр.

— С чего вы это взяли? — удивился я.

— Но как же? Господин десница, мои солдаты их потрепали, затем ваши добили. Колоссальные потери при полном разгроме.

— Да неужели? А давайте, господин Пробр, мы немного математикой позанимаемся. Сколько людей у вас в том за-
слоне стояло? По моим сведениям, тысяча девятьсот солдат.
Я прав?

— Приблизительно так, — нехотя признал советник.

— И сколько из них вернулись в строй? По моим сведениям таких и сотни не набралось. Я прав? Прав. И ни ваша, ни моя разведка не заметили ни намёка на серьёзные вражеские потери. То есть противник обошёлся малой кровью, оставив нас почти без двух тысяч солдат. Сходу сбив ваш заслон, они пошли дальше по старой дороге, где наткнулись на команду заготовителей камней для метательных машин. Начисто вырезали сотню рабочих и дозор, что стоял у карьера. Это ещё минус полсотни солдат. Дальше они добрались до Козьего пруда, где напали на моих новобранцев. Бой закончился их разгромом, но почти семьсот корпусных стрелков убиты или тяжело ранены, быстро их вернуть в строй не получится. Под селением мы насчитали тысячу сто убитых ополченцев и пять с половиной сотен тяжелых всадников. Какое-то количество раненных южан смогло уйти, но вряд ли таковых сильно много. То есть их потери в живой силе меньше двух тысяч, а их у нас больше двух с половиной. Получается, наоборот, нам эта победа обошлась дороже. Причём если учитывать, что у них армия гораздо многочисленнее, они могут себе позволить за одного нашего двоих своих отдавать, а вот мы при таком размене быстро закончимся. То есть по факту

в процентном соотношении потеряли ещё больше.

Свен — командующий наёмниками, скривился:

— Господин десница, при всё уважении, напрасно вы сравниваете их солдат с нашими. Ваши стрелки, это отрепье, их не жалко. Да и ребят Пробра не очень-то жаль. Они даже до самых нищих ополченцев Тхата сильно не дотягивают, а уж про тяжёлых конников и говорить не надо.

— А ваших сравнивать можно? — спросил я. — Я не про ваш отряд, я в целом про наёмные силы.

Свен снова скривился:

— Господин Гедар, вы платите хорошие деньги, но признаюсь вам честно, вы сильно переплачиваете. Время такое, что наш брат всем нужен, вот и задирают отряды цены. В том числе такие отряды, что их и отрядами назвать язык не поворачивается. Шайки это, натуральные шайки. За позорных шакалов в хорошие времена и медную монету отдать жалко, а вы серебром им платите.

— То есть наемники в целом никуда не годятся? — уточнил я.

Свен покачал головой:

— Я такое не говорил, тут считать по головам надо. Вот посмотрите, всего в отряде наёмников две тысячи восемьдесят душ числятся. Мои три сотни аримских мечников — лучшее что есть. Только не подумайте, что я хвастаюсь, сами посудите, при наших вечных сварах кто получает должность командира над всеми? Тот, за кем главная сила. При этом у

меня даже не самый большой отряд. По людям если считать, получается, самый крупный у Хайса. Это четыре с половиной сотни конницы. Получше ополчения Тхата, если говорить о них в целом, но ненамного. Я бы отметил ещё отряд Каира. Сто шестьдесят пикинёров из прибрежников, и три десятка метателей дротиков из рыбацких деревень. А там с малолетства швырять гарпун учат, за четыре десятка шагов в прорези шлема попадают. Если добавить пару мелких групп с толковыми ребятами, получится, что половина на что-то годятся, с ними я готов выйти хоть против самого Некроса. Но учтите, что больших отрядов у нас нет, значит и единообразия нет. То есть в одну линию сложно нас всех поставить, линия получится сильно разной на разных участках. И это я о лучших частях говорю. Все прочие просто мясо, они немногим лучше ваших арбалетчиков. Если брать Тхат, чуть выше уровня их табунщиков и обозников. Даже не знаю, как вы воевать собрались, раз у вас большая часть войска из такой публики. Это я про арбалетчиков. Вы их набираете всё больше и больше, но вот толку от них больше не становится. Мясо всегда остаётся мясом, сколько его не выставь. Мне это непонятно.

Я улыбнулся:

— Ну так для того и придуманы военные советы. Мы тут должны обмениваться информацией и мнениями, сообща решать проблемы и, в итоге, выслушивать моё решение. Кстати, господин Пробр, вы вот в прошлый раз с ним не со-

гласились, и теперь ваша армия стала меньше на две тысячи солдат.

Советник отмахнулся:

— Не берите в голову, господин Гедар, голодающих беженцев много, желающих среди них больше, чем вакансий, наберём новых, это не проблема. Да и городской народ активно к вербовщикам идёт, так и рвётся в бой. Все как один хотят некромантам кишки выпустить, не любят их у нас. Если поможете оружием и припасами, за неделю три тысячи набрать успеем.

— Вы же получили трофейное оружие, причём немало. Судя по общему количеству солдат, у вас ещё приличный запас в арсеналах должен оставаться.

Советник отмахнулся:

— Да наши ротозеи всё просра... потеряли. Этот неожиданный бой на старой военной дороге дорого нам обошёлся.

— Неожиданный бой? — ухмыльнулся Кошшок. — Ну да, конечно, когда стоишь лагерем под боком у южан, ждать от них нападения не нужно, они ведь не для того в Мудавию пришли. Сколько же ты добра на избиении своих недотёп списал, Пробр?

— Кстати, — вспомнил я, не став излишне углубляться в скользкую для местных тему недостачи материальных ценностей, что чревато знатной сварой. — Всё хотел спросить: а почему народ так воодушевился? Нет, я, разумеется, в курсе, что в Мудавии некромантия запрещена и тёмных в стране

очень не любят. Но откуда такая дикая ненависть? В империи к ним сложное отношение, но абсолютного запрета нет, в Тхате им ещё проще живётся, дальше на юг тем более. Посмотреть на всех ваших соседей, нигде им полностью воздух не перекрывают. Почему именно у вас такие строгости?

— А вы разве не знаете? — удивился Пробр.

Я покачал головой:

— Историю Мудавии изучал, когда узнал, куда меня хотят отправить. Но в книгах этот вопрос не раскрывался.

— Получается, это были плохие книги, господин Гедар. Почитайте «Жизнеописание старца Йорга Тарламургского, босиком прошедшего от Славда до Кудабя и после нашедшего покой в обители Ольсон, где сей труд и был скрупулезно записан с его мудрых слов». Там есть немного про некромантов в Мудавии, и почему их у нас так не любят.

Аммо Раллес тоже покачал головой:

— Сей известный в Мудавии труд я читал и скажу, что это не просто немного, это всего лишь несколько слов по теме. Причём слов бессвязных. И это не только моё мнение. Наверное, мудрость старца чересчур велика, чтобы обычный человек смог её постичь.

Пробр поморщился:

— Видимо вы, чужаки, не зная нашу историю, некоторые моменты действительно не понимаете. Если сказать совсем коротко, у нас тут в давние времена возникли огромные проблемы с тёмными. По преданиям, всё шло к тому,

что вся наша страна вот-вот бы и стала если не частью Запретной пустыни, то чем-то очень скверным и мало от неё отличимым. В те времена здесь правила аристократия, вот она до такого состояния страну и довела. Привлекли тёмных для войны с соседями, но война закончилась, а тёмные не стали никуда уходить. И выгнать не выгонишь, под ту войну силу они хорошую нагнали и зацепились крепко за Мудавию. Да и кроме помощи в войне была от них польза. Например, старую военную дорогу в основном не люди делали, а умертвия. Воды за восточным поворотом тогда не было, пустыня голая, люди там не выживали. А костям ходячим всё нипочём: и брусчатку, где надо, устроили, и колодцы глубокие вырыли, и сухие русла с оврагами засыпали. Выгодный труд получался, и нашим аристократам тоже какая-то выгода с него шла. С каждый годом всё больше и больше тёмных появлялось, понравилось им у нас. Дороги строили, насыпи для удержания воды, каналы для ирригации. Рис до тёмных у нас даже не выращивали, это они лапами умертвий превратили речные долины в поля. Доходы повышались, деньги нашим правителям хорошие шли. Вот только наша голытьба часто без работы оставалась, умертвия их вытесняли везде, где труд был несложным. Многим такие новшества не нравились, конфликты то и дело случались. И не только простолюдины поднимались, аристократы тоже не все радовались лишним деньгам. Умных людей среди них хватало, и они видели, к чему такая политика вскорости приведёт. Но верхуш-

ка, плотно севшая на новые источники доходов, ничего не хотела замечать. Она раз за разом предпочитала договариваться с некромантами, а не конфликтовать. Ну а тем палец давать нельзя, до плеча откусят. Вот когда наши благородные зубы у плеч своих ощутили, тогда лишь и начали шевелиться все, а не только самые умные. К тому моменту тут везде так мрачно стало, словами не передать. Простой народ, можно сказать, в полном мраке выживал. Хоронить запрещено, тела забирают тёмные; за любое даже не преступление, а проступок мелочный к ним отправляют; простые люди пропадают не просто поодиночке, а целыми селениями, а потом их видят в армиях умертвий на рудниках и стройках. Страже жаловаться бесполезно, она или за плату под тёмными работает, или просто запугана. С виду благородные во власти, а на деле не решают они ничего, все их указания игнорируются. Потеряли они власть, сами тёмным отдавали её по кусочкам, пока всю не отдали. Представляете такое? Даже в тех южных странах, где правят тёмные династии, к людям не относятся, как к материалу для новых умертвий. Там такую участь заслужить надо. А здесь никакие заслуги не требовались, захотели тёмные, и забрали тебя. И никто не спасёт. Со временем дошло до того, что прямо официально начали местами забирать каждого второго ребёнка. Вроде налога устроили. Мол, детские души и тела — слишком хороший материал, чтобы пропадать без дела. Бабы ещё нарожают. Как вам такое?

Свен кивнул:

— На некоторых островах бывало и похуже, чем вы рассказываете. Доводилось от моряков слушать такое, что волосы на башке шевелиться начинали. Про остров Ашшад, думаю, все слышали хоть что-то, но он так прославился, потому что самый большой. В Северном море и кроме него хватает мест, где самые всякие злостные некроманты гнёзда свои устраивали после того, когда их выгоняли с материка. Заканчивались эти их гнёзда всегда так скверно, что до сих пор ни одной живой души на тех островах нет. Вроде земля как земля, а жить никому не захочется. Дурная слава, и вообще, будто давит там на тебя что-то. Капитаны кораблей даже воду в таких местах набирать опасаются.

— Да, я тоже слышал про такие острова, — сказал Пробр.

— У нас до такого не дошло, наши аристократы пусть и поздно, но всё же одумались, решили тёмных выгнать. На словах их привечали, как и прежде, а сами резню готовили. И в одну прекрасную ночь ударили по всей стране. Местами удачно получилось, местами так себе, но ни один город, ни одно большое селение без внимания не оставили. Многие некроманты до рассвета не дожили, но силу они к тому времени набрали большую, и такие потери их ослабили, но хребет не переломили. Оставшиеся тёмные устроили знатный реванш и вырезали благородных до последнего человека. Их не просто резали, их на ритуалы тёмные старались живыми взять. Поговаривают, при тех событиях вдруг выяснилось, что истинная благородная кровь лучшее лакомство для Смерти,

если всё сделать правильно. Мол, именно от таких новостей тёмные прям охоту устроили за её носителями. Даже младенцев не жалели, даже за бастардами и детьми бастардов повсюду гонялись. Если возникало малейшее подозрение, что селение скрывает кого-то с аристократической кровью, всё это селение под жертвенный нож отправлялось. Народ от таких обид бунтовать пытался, но куда там. К тому моменту тёмные нагнали подмогу со всего света, силы у них столько набралось, что давили любое восстание запросто. И ещё они церковников губили везде, ни одного не пропускали. Ну да это понятно, не любят они их. Вот так и добрались до той самой обители Ольсон, где и написана книга, которую я советовал. Настоятель обители — Иассен Светозарный тогда был просто старцем Иассеном. И когда Смерть его уже почти коснулась, он познал истинный Свет, став его частью, а свет стал частью его. Что это значит, у церковников расспрашивайте, я не очень-то вопросами религии интересовался. Мне, как и всем детям, в малолетстве сказки рассказывали про первого Иассена, я уже и сам не знаю, где в его жизнеописании правда, а где вымысел. Нет, не думайте, что я совсем безграмотный, тут такой сложный вопрос, что в голове всё перемешалось не только у меня. Давно это было, что-то забылось, что-то перепутано, истину местами уже не найти. Но то, что Светозарный Иассен тёмных давил так просто, как мы вшей давим, с этим все согласны. Он ещё и сыновей с дочерьми наделил частью своего Света, а потомков у него

много было. Легенды помалкивают насчёт первой половины его жизни, но похоже на то, что любил старый по молодости грешить. Вот Иассен Светозарный со своими отпрысками и устроил некромантам настоящий реванш. Задавить его сразу, как давили обычных бунтовщиков, у тёмных не получилось. Старец до последнего скрывал свою силу, не показывал всю, а затем обрушил её на посланное против него войско. Рассыпались в прах тысячи и тысячи умертвий, а колья для их поводырей столько понадобилось, что на севере ни одного деревца не осталось. И это при том, что когда-то там леса росли. От пустошей почти до столицы в два ряда вдоль дорог те колья вбивали, и приглашали посидеть на них тёмных с их прихвостнями. А самых опасных некромантов и вовсе в сухом навозе сжигали, чтобы наверняка. Очень эти потери подкосили некромантов, и оправиться от них они не успели. Не дал им Иассен времени, пошёл дальше. Долго длилась война, много крови пролилось, много земель поглотила Запретная пустыня, когда отчаявшиеся тёмные ударили проклятьями, от которых и сами пострадали. Но Мудавия эту войну пережила. Пусть теперь она и не такая, какой была прежде, и не особо процветающая, но всё же выстояла. И при этом осталась без благородного сословия. Подчистую его тёмные выкосили. Заморские аристократы пытались нас прижать, встать над народом, но выгнали их люди. Не забыли, до чего благородные страну довели, решили, что лучше без них жить. Иассену Светозарному предлагали стать ко-

ролём, но он отказался. Ходит байка, что к тому моменту умом слаб стал и не понимал, чего от него хотят. С той поры и пошло, что его потомков уважают, но должности самые высокие они не получают. Нет, не голодают, не подумайте, просто пользуются почётом не так сильно, как могли бы. В борьбу за власть не лезут, не интригуют, люди их любят. Вон, должность командующего корпуса по традиции всегда им достаётся. Хотя командует там на самом деле Кошшок, формально считается, что адмирал выше него. Ну да он славный старик, такому можно и подыграть. Плохо только, что со временем зачахло семейство. Вы же видели нашего адмирала? Очень может быть, что он последний, и перспективы оставить наследников так себе. Хотя кто знает наших церковников, не удивлюсь, если они где-то втайне припасли носителей крови Светозарного. Жрецы у нас с той самой войны предусмотрительные, и тогда вырезать себя под корень не позволили, и сейчас тем более не позволяют.

— А что это за познание Света? — спросил я. — Какой-то навык?

Пробр пожал плечами:

— Подробности никто не знает, но, вроде как, это точно не навык. У вас, благородных со старой кровью, есть особые семейные дары. И люди разное говорят о том, как они появились и почему есть не у всех аристократов. Вот я так думаю, у Светозарного что-то такое случилось. Что-то вроде семейного дара проклюнулось.

— Но он же неблагородный, как я понял, — удивился Свен.

— Ну... это как сказать. Я только что объяснил, что легенды не всё донесли до наших времён, и потому по поводу его происхождения есть два мнения. По одному он родом из купеческой семьи. Да, уважаемой, но, разумеется, неблагородной. По-другому он бастард какого-то северянина: то ли тоже бастарда, то ли беглеца из уничтоженного рода. Да и благородство, это такая тема... не всегда понятная. Вот откуда аристократы изначально взялись? И почему не у всех есть семейные дары, а только у некоторых семей? И почему особые, чистые дары, есть лишь в кланах со старой кровью? И почему этих кланов так мало? Много вопросов, и нет ответов. Вот может у Светозарного Иассена что-то такое случилось. Как-то пробудился новый особый дар. Сам, или по воле высших сил, не скажу, да и не могу знать. Это просто мысли, никто вам на эти вопросы точно ничего не скажет. Можете попытаться найти ответы в той книге, но господин Аммо Раллес прав, там большая часть текста бессмыслица. Местами в ней и слов-то нет, сплошные обрывки. Некоторые исследователи даже шифр предполагают, но расшифровывать там нечего. Нет никакой системы. Была бы, разгадали давно, уж не сомневайтесь.

— Старик Иассен перед дворцом свой боевой свет показывал, — вспомнил я. — Только так себе получилось, лишь ненадолго умертвий с толку сбил.

— Увы, господин Гедар, как вы, наверное, заметили, наш адмирал староват. Он, между нами говоря, и в молодости не очень-то силу демонстрировал, а сейчас забыл многое из того, что когда-то умел. Слуги говорят, он даже имя своё не всегда сразу вспоминает. Ну да вы же сами его не раз видели, понимать должны.

— Да, понимаю. А почему его на совете нет? И на прошлом тоже не было. И на позапрошлом.

Пробр помрачнел:

— Он многое забывает, но если что-то в его голове засядет, кузнечным молотом не выбьешь. Представьте себе, наш добряк адмирал почему-то вообразил, что я непонятный самозванец, и у меня нет никаких прав руководить страной.

— Вообще-то... если хотя бы немного оглядываться на законы государства, в чём-то адмирал прав, — нехотя признал Аммо Раллес. — Вы ведь не вступили в должность Первого друга. А это, между прочим, должность выборная, а не назначаемая. Следовательно, сами себя назначить тоже не можете, требуются выборы, или хотя бы их видимость.

— И как я их проведу? — вздохнул Пробр. — По закону, выборщики от каждого наместничества должны быть, а у нас половина страны под южанами, а на остальной половине многих наместников перевешали. Остаётся только как-то выкручиваться, что я и делаю.

Аммо Раллес развёл руки:

— Это ваши проблемы, я ведь просто констатирую то,

что по законам Мудавии, адмирал имеет основания так говорить. Только не понимаю, какое это отношение имеет к тому, что он игнорирует военные советы. По непубличному пункту соглашения между нашими государствами командующие объединёнными силами назначаются из представителей семьи Иассен. Получается, формально он командующий экспедиционным корпусом, но при этом его нет на совете. Это как-то странно выглядит.

Пробр помрачнел ещё больше:

— Адмирал заявил, что не станет сидеть в одном помещении с самозванцем. И ещё он слугам своим приказал, чтобы меня арестовали, как только увидят. Представляете? Разбушевался после штурма дворца, воином великим себя ощутил, теперь никак не уgomонится.

— Я здешнюю кухню не очень-то понимаю и, наверное, глупость предлагаю, но почему бы вам не вступить в должность? — спросил Свен. — Объявите, что нормальные выборы провести невозможно, привлеките лояльных наместников, сделаете малый вариант выборов. Если правильно подать, народ проглотит.

Советник поморщился:

— Вам, человеку со стороны, действительно не понять, как у нас здесь всё непросто устроено. По факту, получается, Первый друг народа совершил предательство. Он вступил в сговор с врагами государства и превратил свою резиденцию в их оплот. И даже более того, он позволил вражеским некро-

мантам скрываться под его крышей. А у нас, между прочим, за пособничество тёмным приговор один без оглядки на чины. Вся эта банда, собирая под его крылом силы, планировала ударить нам в спину при появлении армии Тхата. Первого друга за такое следовало убить сразу, ещё там, во дворце. Но почему-то наш уважаемый десница не стал марать руки, и этим серьёзно усложнил мне жизнь. И не только мне.

Я пожал на этот упрёк плечами:

— А что мне было делать? Этот жирный боров орал, как будто его уже зарезали. На его вопли полный зал народу набежало, и ни у кого рука не поднялась. Он выглядел... Да жалкое зрелище, вот как он выглядел. Я не палач, приказывать своим солдатам тоже не стал. И как считал, так и считаю своё решение правильным. Случившееся тогда — ваше внутреннее дело.

— А вести имперские войска на штурм дворца Двух коридоров значит не внутреннее? — со скепсисом уточнил советник.

— Господин Пробр, это уже какие-то странные придирки. От вас не ждал. На миссию было совершено нападение, даже если забыть все наши соглашения и я, и мои подчинённые имели право на ответные действия. А ещё всё те же межгосударственные соглашения предписывают принимать все возможные меры для поддержания порядка. Так что мы были в своём праве. И да, злоупотреблять этим правом мы не стали. Если бы Первый друг погиб от руки имперца, это могло вы-

звать недовольство ваших сограждан. Каким бы он негодяем ни был, всё же первое лицо государства. Мы и так здесь многовато власти невольно взяли из-за всех этих событий, и такой поступок нас бы совсем не украсил. Это вам, а не мне, господин Пробр, стоило сразу о Ицхиме «побеспокоиться».

— Да, господин Гедар, простите, вы правы, это действительно моё упущение. И теперь из-за случившейся промашки не только я страдаю.

— Так прикончить никогда не поздно, — намекнул Свен.
— Или я опять что-то в ваших делишках не понимаю?

— Он первое лицо государства, и половина города видело, как его завывающую тушу волокли в темницу, — ответил Пробр. — Удавить его втихаря после такого, и мы вовек не отмоемся. Нужен суд.

— Так в чём же дело? — не понял наёмник. — Вам трудно суд собрать, что ли?

— Суд собрать несложно, но лицо такого ранга судится Высшим Судом Мудавии, с обязательным соблюдением всех церемоний.

— Ну так соберите.

— А то мы бы без советов ценных не догадались... Большинство претендентов на роли высших судей разбежались, казнены или просто погибли по разным причинам. К тому же постановление такого суда обязательно заверяется главной государственной печатью.

— И снова я что-то не понимаю... Соберите тех, кто хотя

бы издали на судью похож. Народ у вас тёмных не любит, смертный приговор хорошо примет и сильно придиратся не станет. И сложно, что ли, печатью по бумаге стукнуть?

— В этом-то и загвоздка... — вздохнул Пробр и, покосившись на меня, пояснил: — При штурме дворца печать была захвачена одним из ваших коллег, наёмников. Он сейчас служит господину деснице, то есть находится под его защитой. Этот наёмник уверяет, что Ицхим пытался использовать печать в качестве оружия, следовательно, это не мародёрство, а взятый в честном бою трофей. Чушь несусветная, но некоторые штурмующие готовы её подтвердить. Очень уж им понравилась сцена ареста Ицхима, по слухам, знатно тот орал. И теперь этот наёмник печать отдавать категорически отказывается. Да он даже говорить о ней не желает. Хотя мы готовы закрыть глаза на сомнительность трофея и предложить за выкуп хорошие деньги.

Свен покачал головой:

— Нет, вас и правда понять невозможно. Кто мешает попросить десницу приказать? Или попросту отобрать. С нашим братом сильно церемониться не принято.

Лицо Пробра стало совсем уж кислым:

— Господин десница даже не попросил, а рекомендовал ему принять наши предложения. Этот наёмник безропотно согласился, и печать оказалась у нас.

— Хаос! Да я с вами и вашей печатью уже совсем запутался, — заявил Свен.

— Да мы даже начать ею пользоваться не успели, — вздохнул советник. — Она пропала в ту же ночь. Мы уверены, что её украл всё тот же наёмник. Он даже особо не скрывает этот факт, но при этом отказывается признавать то, что она у него. Видимо спрятал хорошо и весьма этому рад.

— Над костром его подвесить, сразу печать найдётся, — предложил Свен.

Пробр покачал головой:

— К сожалению, этот наёмник успел себя достойно проявить при защите имперской миссии, а позже принял участие в успешном рейде. Да он даже в битве при Козьей скале успел отметиться, хотя на тот момент был не наёмником десницы, а жалким арестантом. Господин Гедар категорически отказался отдавать его нашим дознавателям, ссылаясь на великие заслуги.

Я кивнул:

— Увы, этот... гм... наёмник, проблемный, признаю. Но признаю и то, что он полезный. И да, он действительно проявил себя достойно при нападении на миссию и в рейде на юг. Да и у Козьей скалы тоже достойно себя проявил. Хотя, откровенно говоря, особо ничего тогда не сделал, но да, вклад внёс. А ещё он в некоторой мере имеет право на печать. Это действительно, как бы, его трофей. Я первый, кто добрался после него до Ицхима, и подтверждаю, что на тот момент кроме них в помещении никого не было. Подтверждать то, что Первый друг печатью отбивался, не стану, не

видел. Но, получается, его слова против слов моего человека. И это при том, что Ицхим предатель, и веры ему нет. Получается, верить приходится тому, кто взял государственную реликвию трофеем. И да, Пробр, я ведь рекомендовал вам сделать дубликат печати. Даже обещал подкинуть немного лунного металла для покрытия.

Советник совсем с лица спал:

— Господин Гедар, я решил так и поступить. Кое-как связался с одним непростым человеком на побережье, тот подыскал купца, способного быстро и не очень дорого найти что угодно. Купец прибыл на днях со всем необходимым, и представьте, его тут же обокрали. Стражники землю носами роют, но пока безрезультатно.

— Что это за товары такие? — спросил Свен. — Неужели здесь нельзя найти?

— Увы, страна у нас небогатая, некоторые вещи не везут вообще, спроса нет. К тому же в последнее время торговля совсем из-за войны захирела. Крупные необработанные алмазы ни за какие деньги здесь не купишь. Есть надежда, что они всплывут у скупщиков краденного, но пока тишина.

— А насколько большие алмазы нужны? — спросил наёмник. — У меня на побережье есть один купец знакомый, многим мне обязан. Можно связаться попробовать, за процент достанет такие камни, какие надо.

— Там очень крупные алмазы, — ответил советник. — И чистота важна. Даже на побережье не всякий купец такие

достать сможет. Комплект небольшой, но размеры от пятнадцати до девятнадцати карат, а даже грязные камни такого размера и стоят хорошо, и в каждой лавке их не встретишь. Что с вами, господин Гедар? У вас лицо странно дёрнулось.

— Да так... вспомнил кое-что неприятное... некстати. И да, попробую с этим мерз... с этим гад... с этим благородным наёмником ещё раз поговорить. Может пойдёт вам навстречу хотя бы временно. Я так понимаю, вам печать в первую очередь нужна, чтобы показать адмиралу?

— Ну да, — кивнул советник. — При всём моём уважении, но головой наш старик совсем плох стал. На блестящее, будто ребёнок реагирует. Думаю, увидев, что печать у меня, смягчится. Хотя, между нами говоря, что он есть на совете, что нет, не вижу разницы.

Аммо Раллес кивнул:

— Он, обычно, на советах спит, так что вы, возможно, правы. Однако от себя скажу, что присутствие адмирала создаёт особую атмосферу. Светлый он человек, и это сказывается, даже когда он похрапывает. И да, хочу сказать, что я получил донесение от агента в Таоре. Должен вас огорчить, сведения весьма тревожные. Он лично наблюдал, как в порту высаживаются солдаты. По слухам ассиопские. С виду не наёмники, и не одиночные авантюристы, а клановое или даже государственное боевое подразделение. Мой человек был впечатлён их идеальной выправкой, а это плохой признак.

— Как выглядели эти солдаты? — спросил Свен. — До-

спехи этот человек видел? Оружие у них какое? Лошади были? Какие? Гербы? Цвета? Флаги? Он хоть какие-то детали передал?

— Разумеется, передал. Доспехи выгружали отдельно, и это были тяжёлые латы. На вид очень качественные и одинаковые. Солдаты одеты по южному, единообразно, цвета красные, носят кинжалы или короткие мечи, также выгружали много пик. Мой человек особо подчеркнул их необычно повышенную длину, был весьма ею впечатлён. По лошадям никакой информации нет, цвета, повторюсь, преимущественно красные, разных оттенков. Флаги и гербы у военных агент не видел, но корабли явно клановые, у них на мачтах знамёна Меннай. Также видел людей, похожих на магов, у одного даже дорогой жезл заметил. Ещё говорил про катапульты, их тоже выгружали.

— Что за катапульты? — подобрался Свен.

Аммо Раллес пожал плечами:

— Мой агент человек невоенный и не технически грамотный. То есть не очень хорошо в метательных машинах разбирается, да и донесение лаконичное. Просто катапульты, детали мне неизвестны. А почему именно этот момент вызвал отдельный интерес?

— Да как бы вам сказать... — наёмник усмехнулся, но совсем не радостно, а нервно. — Будь мы сейчас где-нибудь на северо-востоке, возле побережья, где вот-вот всерьёз воевать начнут, я бы по вашему описанию сказал, что ваш агент

наблюдал высадку чёрной кварты.

— Той самой? — нахмурился Кошшок. — Но что ей здесь делать?

— Вот и я о том же говорю. Что она здесь забыла? У нас совсем не та война, да и без кварт положение аховое. Но вообще, если не вспоминать, что мы в Мудавии, по описанию всё сходится. Прямо удивительно сходится. Судите сами: тяжёлые латы, причём одинаковые. Это у них особый шик, доспехи пикинёров должны совпадать во всём до последней мелочи. Пики, опять же, выгружали. Причём длинные, что отметил даже далёкий от военных дел агент. Длиннее чем у кварт они нигде не бывают. У солдат повседневное оружие кинжалы, что тоже сходится. Лошадей в квартах нет вообще, они лишь в обозах при квартах. Есть маги, причём магов в квартах много. И катапульты какие-то тоже выгружали. Они, скажу прямо, для осады южанам не нужны. При таких силах это лишнее. Тогда зачем тянуть в такую даль? Причём не из королевств, эти корабли в Таор откуда-то приплыли. И, судя по цветам и флагам, это Меннай. Значит действительно клановые из Ассиопы. А чем славится Ассиопа? Квартами и славится. Они, вроде как, оттуда и пошли изначально. Звучит, конечно, дурачки, но ведь похоже.

— Кварту они сюда не отправят, так что да, звучит дурачки, — сказал Аммо Раллес. — К тому же дело даже не в кварте. У нас ведь и войны официальной с Ассиопой пока нет, и да, Мудавия не та страна, чтобы привлечь какие-то

серьёзные силы южан. Полагаю, мой человек видел какой-то сборный отряд с наёмными латниками, магами и инженерами. От Меннай там максимум костяк офицерский, который решили обкатать в деле перед большой войной.

— Нам и наёмников с офицерами клановыми за глаза, — кивнул Свен. — Как будто мало нам Тхата...

Я не планировал раньше времени озадачивать соратников, но раз уж сведения начали просачиваться, лучше пускай они узнают шокирующую правду от меня, а не из иных источников.

Перехвачу инициативу, постараюсь сделать это помягче.

Хотя как столь шокирующие новости можно сгладить?..

— Это не сборный отряд, это действительно чёрная кварта Меннай, — как можно беззаботнее произнёс я.

И по вытянувшимся лицам понял, что сгладить новость не получилось.

— Что?! — хором воскликнули почти все присутствующие.

Лишь Пробр не отреагировал. Должно быть, далёкий от «высоких стратегий» мудаvieц не очень-то понимал, о чём речь. Хотя он, по местным меркам, неплохо образован, но его страна располагается на том отшибе, где военной историей разве что для развлечения интересуются. Сам с квартами не просто никогда не столкнёшься, они даже по соседству не появятся.

Нечего им здесь делать.

— Да-да, это действительно кварта, — повторил я. — По заслуживающим доверия сведениям, Меннай должны были отправить одну из двух своих.

— Насколько заслуживающим? — резко подобравшись, уточнил Аммо Раллес.

— Меня об этом из империи предупредили. Полагаю, не надо объяснять, кто именно сообщил эту новость.

За столом секунд на десять воцарилось молчание.

Затем Кошшок громко вздохнул и уныло выдал:

— Я, по молодости, однажды видел кварту под Тингопой. Штаны потом весь вечер отстирывал. Очень надеялся, что больше никогда такое не увижу. Не знаю, как вам, а мне очень сильно захотелось выпить...

— Испытываю такое же желание, — поддержал его Свен. — Господин десница, простите за глупый вопрос: это точно не какая-то шутка?

Я покачал головой:

— Всё очень и очень серьёзно.

— Да это же... Да это хуже не придумаешь...

— Ну почему же? — заявил я. — Могло быть и хуже. У Меннай две кварталы: малая и обычная. И вероятнее всего к нам они отправили малую.

Свен развёл руки:

— Вот радость-то какая! Прямо от сердца отлегло! Господин десница, да нам что малая, что какая... Разницы вообще нет.

Я кивнул:

— Понимаю. Но до этого мы обсуждали то, что с нашими силами нечего и мечтать выстоять, что в чистом поле, что за стенами города. И это вы на тот момент про квартиру не знали. Что изменилось после моих слов? Да ничего не изменилось. Мы, по вашему мнению, что с ней, что без неё столицу не удержим. Так что не надо лишний раз волноваться.

— Но я всё же волнуюсь, — сказал Свен. — И боюсь представить, как начнут волноваться мои ребята, когда про квартиру услышат. А услышат они быстро, не сомневайтесь. Такие интересные новости надолго тайной не остаются.

— Одна из твоих задач, это удерживание наёмников от опрометчивых поступков, — напомнил я.

— Да разбегутся они, как услышат, вот и весь поступок...

— Вот от него и удерживай. Я им не для того хорошие деньги плачу, чтобы они ещё до боя разбежались.

— Так у нас что, всё равно будет бой? — удивился Кошшок.

— Разумеется, будет, — кивнул я.

— Ну тогда я непременно выпью. Причём много. И даже не думайте мне запрещать. Имею полное право.

Аммо Раллес поднял руку:

— Простите, господин Гедар. Я, конечно, человек не вполне военный, но раз уж причастен, хотелось бы знать, что вы подразумеваете под боем? Надеюсь, не генеральное сражение?

— Пока что не могу сказать. Кварта движется медленно не только в битвах, а и на маршах. Предполагаю, южане сначала её дождутся, а уж потом попрут на нас всерьёз. Значит, ещё есть время на раздумья и подготовку. Вы, господин Пробр, должны донести до населения подробности. Пусть все жители Мудавии узнают, что такое чёрная кварта. Обязательно расскажите про толпы умертвий и магов костей. И про то, что делают их летающие кости, тоже расскажите. Учитывая ненависть ваших граждан к некромантии, они от таких подробностей должны взбелениться. Надеюсь, к волонтерам побегут многие, и мы успеем набрать и хотя бы слегка обучить ещё пару-тройку тысяч.

— И дать каждому по стреляющему дырну и тонкому топору? — уточнил Кошшок.

— Именно так. Всех в арбалетки.

— Десница, я не просто напьюсь... ох не просто... Да я плавать буду в браге...

— Может подождёшь?

— А чего ждать? Десница, ты когда-нибудь видел пьяного мертвеца? И не увидишь. Не пьют они. И не едят. Так что делать это надо сейчас.

— Я к тому, что пить полагается после победы. На праздновании.

Кошшок ухмыльнулся и указал пальцем на свой рот:

— Если ты, десница, и на этот раз победишь, я тебя в зад вот этими губами расцелую.

— Ладно, договорились. Только вытереть их не забудь, я
брезгливый.

Глава 6 Свежие сопли Паксуса

Глава 6

Свежие сопли Паксуса

— Мы не знаем, молодой господин.

— Да, не знаем, Бяка нам ничего не докладывает.

— Почему-то.

— Вообще ничего не докладывает.

— Скрытный он с нами.

— Думает, мы кому-то разболтаем.

— А мы не разбалтываем.

— Потому что нам нечего разбалтывать.

— Вот ведь болваны... Да я же вас не про Бяку спросил. Я спросил, где это... где это... Я спросил, где Гнусис! Уж вы-то точно знаете, где он прячется, они ведь вечно с Бякой парой ходят, а вы за Бякой, как хвосты волочитесь.

— Да, молодой господин.

— Они вместе стали ходить.

— Не всегда.

— Иногда.

— Помирились потому что.

— Перестали драться каждый день.

— И нас тоже бить перестали.

— Почти перестали.

— Можно сказать, почти не бьют.

— А раньше били не почти.

— Каждый день нас били.

— Да, каждый.

— А бывало и по два раза.

— Да, господин, два раза.

— С утра и в обед.

— А один раз и вечером досталось.

— Совсем плохо получилось.

— Не по традиции.

— По традиции больше двух раз нельзя.

— Но в тот день стало можно.

— Потому что мы пошли проверить октов в конюшню, а там у Бяки и Гнусиса какие-то важные дела.

Я насторожился:

— Что за дела? Эти жулики коней воровать собираются?

— Мы не знаем, но думаем, что нет.

— Да, мы такое на них не подумаем.

— Для них миссия как дом родной.

— А в родном доме не воруют.

— Даже они не воруют.

— Тем более коней.

— Значит, заодно узнайте, что у них за тёмные дела в конюшне. Если они там что-то украсть надумали, срочно доложите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.